

Верхолетов А.П.

**Это было недавно,
это было давно...**

2015 г.

В книге опубликованы воспоминания Александра Павловича Верхолетова, военного журналиста, прошедшего две войны – советско-финляндскую и Великую Отечественную с первого дня до Победы, посвятившего печати и журналистике всю свою жизнь. Александр Павлович участвовал во всех крупных битвах Великой Отечественной войны, был многократно награжден орденами и медалями. Несмотря на серьезные ранения прожил достаточно долгую жизнь, почти семьдесят лет из которой посвятил печати и журналистике. В книге рассказывается также о событиях, происходивших во времена Гражданской войны в городе Вольске.

В книге размещены фото из семейного и рабочего архива Верхолетова А.П., включая снимки военных фотокорреспондентов:

О.В.Игнатович, В.П.Юдина, Г.М.Омельчука, А.В.Егорова.

Данная книга не предназначена для коммерческого использования, издана на средства детей и внуков Верхолетова А.П.

Книга является данью памяти Верхолетову Александру Павловичу и всем людям, кто внес свой неоценимый вклад в Победу нашей страны в Великой Отечественной войне.

Клятва Российского журналиста

Принимая на себя высокое звание журналиста Российской Федерации, я торжественно клянусь:

- быть честным, добросовестным и справедливым;
- соблюдать и оберегать великие основы Конституции Российской Федерации и законы страны, хранить государственную, военную и редакционную тайну;
- инициативно и творчески выполнять служебные задания и обязанности, не переставая учиться, быть на уровне требований XXI века;
- дорожить доверием читателей, зрителей и слушателей, доброжелательно и объективно рассматривать их жалобы и предложения, вскрывая все промахи

и недостатки, которые приносят ущерб нашим гражданам, нашей стране. Ничто: ни давление, оказываемое отдельными чиновниками, ни попытки подкупа дельцами, ни угрозы преступников – не смогут поколебать моей решимости вести непримиримую борьбу с волокитой и бюрократизмом, расхитителями и взяточниками, нарушителями закона и порядка, с международным терроризмом и экстремизмом;

– хранить и множить заложенные Петром Первым традиции русской печати, обогащенные героизмом Отечественной войны, многовековой народной мудростью;

– клянусь высоко держать честь и достоинство журналиста, считая первейшим долгом быть духовным наставником и воспитателем граждан-патриотов, способных надежно оберегать нашу Отчизну и мир на Земле, возвышая трудами великую Россию.

Этим благородным целям клянусь посвятить всю мою журналистскую жизнь без остатка.

Торжественно клянусь!

Александр Павлович Верхолетов, военный журналист, прошедший Великую Отечественную войну с первого дня до Победы, посвятивший печати более семи десятков лет своей жизни.

Предисловие

«Биография у Саши обычная. С газетой он связан со школьных лет.

Десятилетним мальчишкой стал юнкором, потом – рабкором, принимал участие в рейдах «легкой кавалерии», а когда пришел в армию, начал «военкорить». В звании красноармейца Московской Пролетарской дивизии он стал секретарем полковой многотиражки (были в свое время и такие), уже журналистом участвовал в боях на Карельском перешейке, работал в «дивизионке» и в газете «Красный воин» Московского военного округа. От июньских дней сорок первого года, полных невзгод и суровых испытаний, и до победы в Берлине Саша пробыл на фронтах Великой Отечественной войны, работая в газетах Южного, Северо-Кавказского, Сталинградского, Воронежского и 1-го Украинского фронтов.» Борзунов С.М., «Рядовой газетной строки».

В этой книге опубликованы незаконченные воспоминания моего отца Александра Павловича Верхолетова. Он был потомком святого праведного Александра Чагринского, мощи которого покоятся в Самарском Иверском монастыре. Несомненно, молитвенная помощь предков и семейное воспитание дали ему силу выживания в суровых жизненных перипетиях, в пекле двух войн (финской и Великой Отечественной), которые он прошел от начала и до конца. На первую из них он пошел, чтобы смыть «пятно» в своей биографии «лишенца». Так называли людей, в семье которых были репрессированные. У нас в семье был репрессирован дедушка, папин отец. Он был священнослужителем, проповедовал Христа, духовно окормлял людей в это трудное время. Богоборческой власти это не было нужно и вредно. Его несколько раз сажали, последний раз

уже не выпустили. Дедушка погиб в тюрьме. Все это сказало на жизни отца: он не смог получить образования, потому что детей репрессированных не принимали в институт. Его участие в Советско-финской войне дало возможность его сестре, Суминой (в девичестве Верхолевой) Валентине Павловне получить образование. Отец был талантливым человеком, имел большой потенциал, но ему трудно было реализовывать его в жизни, однако сила духа и мужество побеждали все. Ведь во время войны, казалось бы, невозможное стало возможным, люди, сплотившись, совершили Великий подвиг.

В предисловии хотелось бы сказать слова благодарности отцу, всем воинам, защитникам нашего Отечества, кто внес свой неоценимый вклад в то, чтобы на земле был мир, цвели цветы и росли деревья, а дети улыбались. Для многих ветеранов Великой войны жизненный путь уже закончился на этой Земле, но их вклад в мир остается жить.

Анисимова (Верхолетова) Ирина Александровна,
дочь Верхолетова Александра Павловича

Александр ВЕРХОЛЕТОВ

Это было недавно, это было давно...

Записки военного журналиста, прошедшего две войны: советско-финляндскую и Великую Отечественную – с первого дня до Победы, посвятившего печати и журналистике всю свою жизнь.

*Дедушке посвящается
Комната хранит твоё тепло
И звук твоих шагов,
И голоса молчанья.*

*Как будто все как было, так и есть
И в вечности останется как прежде.
И добрых дел твоих не счесть,
Но все же – в сердце боль прощанья...*

*Анисимова Анна,
внучка Александра Павловича Верхолетова*

Происхождение. Детство и ранний переход во взрослую жизнь.

Родился я в разгар Первой Мировой войны, 12 ноября 1916 года в уездном городе Вольске, Саратовской губернии, расположенном на гористом правом берегу Волги.

Через мой родной город протекает бойкая и веселая речка Малыковка. В школьные годы я не раз переходил речушку

вброд, не ведая того, что своим рождением Вольск во многом обязан этой речушке.

В дореволюционные годы на основе архивных документов был создан драгоценный научно-исторический труд «Полное географическое описание нашего отечества». В нем сказано: «... в XVII веке часть низовой вольницы облюбовала себе местечко на высоком берегу Волги при впадении в нее речки Малыковки около кабачка, получившего выразительное название «Разувай». Вокруг этого «центра» стали собираться разные «пришлые люди» и образовали сельцо, названное по имени речки.»

Село Малыковка принадлежало и московскому Новоспасскому монастырю, и князю А.Д. Меншикову, и дворцовому ведомству. В 1780 году это крупное село преобразовали в уездный город, назвав его по имени великой русской реки – Волгск. Это трудно произносимое слово постепенно преобразовали в Вольск.

Город, расположенный на водных и железнодорожных путях, быстро стал важным торгово-промышленным местом по продаже хлеба, преимущественно пшеницы. Начиная с 1896 года в Вольске строятся один за другим четыре цементных завода, снабжавших Россию новым строительным материалом высшего качества – портландцементом.

Старинный город Вольск имеет немалые заслуги и награжден орденом «Знак Почета». Из вольского цемента создавались ДнепрогЭС и Магнитка, московское метро, Беломоро-Балтийский и Волго-Донской каналы и другие великие стройки страны. Вольск и внешне не уступал крупным городам страны. О нем уважительно говорили: «Вольск-городок – Петербурга уголок».

Повествуя о родном городе, я с глубочайшим уважением вспоминаю о своих предках, положивших начало родословной нашей семьи. А она несколько необычна. Мой прадед протоиерей Александр Стефанович Юнгер прославился своей подвижнической жизнью, был уважаем всеми как мудрый и прозорливый пастырь, целитель душ человеческих, живший в глухом и болотистом крае, где он первоначально нес службу.

В 1896 году «Самарские епархиальные ведомости» писали: «... И в нынешние времена для возбуждения спящей совести у людей маловерных или ищущих Господа также необходимы

личности с особыми духовными дарованиями, с духом и ревностью Илииною, как отец Иоанн Кронштадтский, как подвизавшийся в затворе ученый епископ Феофан Вышенский, Амвросий Оптинский. К числу таковых, без сомнения, принадлежит и наш отец – Александр Юнгер!»

В конце XIX века протоиерей Александр Стефанович Юнгер стал настоятелем Чагринского монастыря, где в 1900 году погребен. Более века чудотворную могилу Александра Чагринского посещали благочестивые паломники и богомольцы. И уже в наше время, в октябре 2001 года было принято решение о канонизации «как местночтимого Самарской епархии в лике святых праведных протоиерея Александра Юнгера (1821 – 1900), Чагринского чудотворца». В Деянии о канонизации сказано: «честные останки новопрославленного святого именовать святыми мощами и воздавать им достойное почитание».

Моим дедом по линии матери был сын святого Александра Чагринского – иерей Василий Александрович Юнгер. К сожалению он скончался даже раньше своего канонизированного отца. А вот его брата, Павла Александровича Юнгера, помню очень хорошо. Выпускник Казанской Духовной академии, он возглавлял там кафедру Священного Писания Ветхого Завета, был доктором богословия, профессором академии, крупным востоковедом, знал 14 языков, в том числе древнегреческий и древнеарабский.

В 1918 году, когда в Казани утвердилась советская власть и Духовная Академия свернула свою деятельность, Павел Александрович уехал оттуда и прожил в нашей семье около трех лет. Он стал моим наставником и воспитателем.

Мы забирались с дедушкой летом на сеновал, а зимой на печку-лежанку и профессор-богослов увлекательно рассказывал о Всемирном потопе и Ноевом ковчеге, о поединке юного Давида с чудовищем Голиафом, легендарном богатыре Самсоне и коварной Далиле, о странствиях ученого-востоковеда по святым местам Палестины и поездке в Вифлеем, где родился Христос.

Я с восторгом держал в руках принадлежавшую Павлу Александровичу позолоченную саблю. Вместе с муаровой лентой и орденом эта сабля была ему вручена Николаем II, присвоившим в 1913 году выдающемуся ученому, профессору, доктору

богословия П.А.Юнгеру высокое звание Почетного гражданина России. Семейное предание гласит, что император при этом многозначительно заметил:

– У меня в России таких только двое.

Я и поныне благодарен судьбе, давшей мне таких замечательных предков и воспитателей.

У родичей отца по иному сложилась жизнь. Мой дед Алексей Верхолетов прослужил много лет в военном Флоте. Затем стал волостным писарем в Красных Домах, Самарской губернии, а под конец жизни исполнял обязанности псаломщика в местном храме. Сохранившиеся фотографии тех далеких лет свидетельствуют, что Алексей Верхолетов был моряком низкорослым, широкоплечим и, по рассказу бабушки Надежды, обладал немалой силой и могучим басом, способным погасить в доме лампы, лампы и свечи.

До службы на Флоте дедушка имел, как и многие миллионы русских, распространенную на Руси фамилию Ивановых, а вернулся с морских просторов почему-то Верхолетовым. Возможно тому причиной был его могучий бас. В Красных Домах его приглашали, как развеселого гостя, на именины, крестины и свадьбы, где он рыком своим гасил все лампы и свечи. Не отказывался и от хмельной чарки. При воспоминании о дедушке Алексее невольно приходит на память стихотворная строфа Александра Твардовского:

Дед мой сеял рожь, пшеницу,
Обрабатывал надел,
Он не ездил за границу,
Связей тоже не имел.
Пить – пивал. Порой без шапки
Приходил, в ночи шумел.
Но помимо, как от бабки,
Он взысканий не имел.

Мой дед Алексей тоже сеял рожь, пшеницу и от угощений не отказывался, но был крепким и сильным, шапок не терял и держался достойно, хотя взыскания от бабки неизменно получал.

Он умер рано, оставив двух малолетних детишек. Ба-

бушка Надежда отправилась в Самару, пробилась к архиепископу, и он помог бедной церковной просвирне пристроить сыночка Пашу в Духовную семинарию. Унаследовав от отца хороший голос и склонность к пению, Павел Верхолетов не только преуспевал в учебе, но стал правой рукой регента семинарии, порой руководил спевками однокурсников, а то и дирижировал хором. За несколько месяцев до начала Первой Мировой войны он окончил Самарскую духовную семинарию, женился на такой, как сам, сироте Елизавете Юнгеровой, окончившей епархиальное училище и обучавшей детишек в церковно-приходской школе. В начале 1914 года Павел Алексеевич Верхолетов был рукоположен в иереи и назначен служить в кафедральном соборе уездного города Вольск, Саратовской губернии.

Мое появление на свет Божий было положительно встречено не только родными и близкими. Как гласит семейное предание, мой крестный Василий Гаврилович Афанасьев, являвшийся каким-то родственником Василия Ивановича Чапаева, ранней весной 1917 года привел к нам легендарного героя с супругой и похвастался перед ними своим крестником. А Чапаев и во время Первой Мировой войны был уже знаменит, поскольку вернулся с фронта полным Георгиевским кавалером. Василий Иванович, как оказалось, в сопровождении жены возвращался из Саратовского госпиталя в левобережное Балаково. Из-за начавшегося на Волге ледохода Чапаеву с супругой пришлось на пару дней задержаться в нашем правобережном Вольске.

Октябрьская революция, потрясшая не только Россию, но и весь мир, в какой то мере отразилась и на жизни молодой семьи Верхолетовых. Встретилось немало трудностей, неожиданностей, тяжелых испытаний.

Рано утром 1 июля 1918 года Вольск был разбужен тревожным набатом, возвестившим о начале белогвардейского мятежа. По воспоминаниям матери, к нам с черного хода прибежала знакомая соседка и привела с собой мужа, который был то ли замом начальника милиции, то ли какой другой видный пост занимал. Со слезами на глазах она умоляла поскорее укрыть ее мужа от бесчинствующих мятежников и спасти ему жизнь.

Елизавета Васильевна, моя мать, втолкнула прибежавшего соседа в шкаф, прикрыв его платьями и шубами. Мне, бес-

штанному карапузику, это очень понравилось, и я то и дело подбирался к шкафу и весело объявлял в щелку: «Дядя, ку-ку!» Но милицейского дядю мои шуточки опасно тревожили, поскольку и в наш дом мятежники не раз стучали, справляясь, есть ли у нас красные.

Жили мы на Базарной площади, именуемой также Торговой и Соборной. Там завязались жаркие бои, и повстанцы атаковали расположенные на площади Совет и Ревком. Когда опасность миновала и спасенный ответственный работник милиции покинул наше убежище, к нам немедленно примчались чекисты и арестовали моего отца, отца Павла Верхолетова. В то время мы жили в доме, принадлежавшем кафедральному собору, и мой отец был не только священником в том храме, но и ключарем упомянутой церкви. Разъяренные чекисты вопили, что именно он, ключарь собора, ударил в набат и предоставил мятежникам доступ к колоколам. Отец Павел пытался объяснить, что веревка, привязанная к набатному колоколу, опущена до самой земли. Заметив возникновение пожара, любой человек может ударить в набат и никаких ключей для этого не требуется. А сам священник, застигнутый ружейно-пулеметной стрельбой, из дома не выходил и все церковные ключи продолжают лежать в его квартире.

Никакие доводы на чекистов не действовали. А спасенный нами сотрудник милиции тоже забуксовал. Ему, видите ли, неудобно идти в ЧК и ходатайствовать за освобождение «чуждого элемента». Он посоветовал нам лишь сослаться на него.

Но бабушка Надежда никому спуска не давала. Она едва ли не силком доставила в ЧК ответственного работника милиции. В итоге правда восторжествовала. Моего отца освободили и избавили от неминуемого расстрела.

В конце 1920 года, когда штурмом был взят Перекоп, Гражданская война в основном завершилась, хотя на Дальнем Востоке бои продолжались. А испытаниям не было конца. В 1921 году в моем родном Поволжье разразилась невиданная доселе страшная засуха. Раскаленное добела солнце нещадно палило, а желанного дождя мы так и не дождались. Погибли посевы, пожухли листочки на деревьях, потрескалась земля. Налетевшая из Ирана саранча пожрала все, что она могла съесть. Началась

страшная трагедия, охватившая десятки миллионов волжан.

Помню, как в хлеву жалобно мычала наша Буренка. У животных тоже не было кормов. В это голодное время нам на помощь пришел родственник Серапион Максимович Маслаков, выбившийся из низов и создавший до революции образцово-показательный сад. Саженыцы он, в основном, брал у выдающегося преобразователя природы, знаменитого селекционера И.В. Мичурина. В саду Серапиона Максимовича можно было встретить грушу Бере зимнюю Мичурина, Антоновку шестисотграммовую, Пармен зимний золотой и другие сорта. С.М. Маслакова можно смело причислить к новаторам-мичуринцам, продолжившим творческие поиски выдающегося ученого-практика. Забегая вперед, попутно замечу, что на первой сельскохозяйственной выставке в Москве в 1923 году яблоки из его сада были удостоены диплома. А в голодном 1921 году Серапион Максимович решился на смелую и рискованную поездку со своим скотом и с нашей коровенкой в Орел, где с хлебом и кормами было получше. Там он обменял скот на зерно и муку, и тем спас от гибели людей и скот.

Это помогло нам дотянуть до нового урожая. Возвращаясь в Балаково, Маслаков прихватил с собой и изголодавшего Павла Александровича Юнгера. К сожалению, переезд оказался неудачным. Павел Александрович подхватил сыпной тиф и вскоре скончался.

В то голодное время и в нашем Вольске свирепствовали тиф и холера. Летом 1921 года бабушка Надежда отправилась на базар, намереваясь обменять вещички на хлебушек.

Вернулась она расстроенной и без хлеба. Она раздобыла лишь несколько фунтов недозрелых яблок-падалок. Бабушка посадила меня, малыша, на колени, выбрала яблочко получше, и я с удовольствием принялся его грызть. Неожиданно она закашлялась, вскочила, резко и сильно отбросила меня прочь. Бабушку Надю начало сильно рвать...

А я лежал на полу и плакал не столько из-за ушиба, сколько от обиды, не понимая, того, что, отшвырнув меня от эпицентра холерной заразы, бабушка спасла тем мою жизнь. Она поняла, что ее настигла холера и рвота сопровождается судорогами.

Я видел, как у встревоженного отца затряслись руки, он

выскочил на улицу, остановил первого попавшегося ломового возницу на дрогах и повез бабушку в больницу. А через три дня ее похоронили в закрытом гробу.

Внезапная утрата бабушки особенно остро сказалась, когда в конце 1921 года родилась моя младшая сестренка Валюша. Кроме нее и я, малыш, нуждался в присмотре и уходе. Неожиданно для нас, голодных малышей, появилось и знаменитое «Нансенское питание». В детских садах и домах, в местных столовых и раздаточных пунктах нам по спискам стали выдавать ослепительно белые булочки, рисовую кашу, какао, сгущенку и другое вкусное и питательное угощение. Одним из главных организаторов сбора средств и оказания помощи голодающим Поволжья был крупный норвежский океанограф и исследователь Арктики, смелый и решительный полярник Фритьоф Нансен, лауреат Нобелевской премии мира, почетный член Петербургской академии наук. Эта чрезвычайная мера помогла спасти жизни миллионов голодавших детей.

Но испытаниям, казалось, не было конца. Помню, как студеной зимней ночью 1922 года к нам прибежала встревоженная сторожиха и с порога крикнула:

– Батюшка! Церковь обокрали!

Отец вскочил, быстро оделся и побежал к месту происшествия. Побежал и не вернулся! Его, ключаря собора, арестовали, обвинив в умышленной инсценировке кражи и сокрытии от конфискации властями церковных драгоценностей, предназначенных для оказания помощи голодающему населению Поволжья. А сама кража оказалась крупной и хорошо подготовленной. Грабители заранее оставили в церкви юного воришку, который подлез под аналой, укрытый парчовым чехлом, и просидел там до глубокой ночи. Предварительно обученный подросток сдирал с икон золотые и серебряные ризы, свертывал листы в трубочки и выбрасывал их сквозь оконные решетки своим сообщникам. За этим неблагоприятным занятием их застал сторож, поднявший крик. Бандиты оглушили его ударом по голове. Сторожа выручила шапка-ушанка, он довольно быстро пришел в себя и даже не обращался к врачам. Но громилы успели отобрать у него ключи и выпустили юного сообщника на свободу, прихватив пару узлов с церковным имуществом.

Узнав о происшествии, подняли неистовый крик так называемые «обновленцы». Они появились лишь после октябрьской революции 1917 года и громко кричали, что они, представители «живой церкви», якобы за Советскую власть. «Обновленцы» провокационно вопили, что собор обокрали сами же церковники, а они, дескать, спасут религиозные ценности для России. Особенно усердствовал самозванный поп-расстрига Михаил Постников, назначивший сам себя епископом. Заручившись, видимо, поддержкой местных властей, самозванец с друзьями осуществил насильственный захват кафедрального собора.

Из казенного дома, принадлежавшего собору, была выброшена и наша семья. Во время сумятицы я несколько дней находился у крестной новорожденной – Анны Ефимовны Труниной. Она привела меня, пятилетнего малыша, к Елизавете Васильевне, моей матери, которая стояла в нерешительности с санками, на которых лежало кое-какие тряпье, а на руках у нее попискивала недавно рожденная дочь.

– И это все, с чем вы, милая, отправляетесь в новую жизнь? – возмутилась Анна Ефимовна. – На что будете существовать?

Стоит признаться, что моя мать была женщиной робкого характера и не умела постоять за себя. Елизавета Васильевна сказала, что ее известили о конфискации дома и всего имущества, а она, чуждый элемент и паразитка, должна немедленно покинуть здание. Анна Ефимовна была женщиной более решительного характера. Она вернулась на прежнюю квартиру, взяла из шкафа несколько зимних одежд и вернулась к нам. Мы продолжили путь, перебравшись по мосту через Малыковку. Нелегко было найти нам бесплатное жилье, поскольку кормилец сидел в заключении. Такое жилище предоставил местный предприниматель Коновалов.

Это был небольшой подвальчик с цементным полом, застеленным соломой, и полутораметровым потолком. Имелись также маленькая печурка «буржуйка», запас дров и похожий на лампадку светильник. В складском подвале, который одновременно был хлевом для скота, обитали главные хозяева столь необычного помещения – коза с козленком. Это меня особенно обрадовало. Я даже воскликнул:

– Почти как в Вифлееме. У Христа были волхвы и овечки, а у нас – коза с козленком.

Матери такое сравнение не понравилось и она грустно сказала:

– Глупенький ты, Шурик. Ох, какой глупенький!..

А козленок, возле которого я пристроился спать, видимо, в знак «благодарности», обмочил меня и шубейку, а также присыпал орешками.

Весной 1922 года, когда завершился ледоход, и готовилась открыться навигация, к нам прибежали доброжелатели и сообщили, что батюшку ведут из тюрьмы на пристань.

Мы помчались к дебаркадеру, где собралось около трехсот человек. Вскоре мы увидели, как приближается к реке мой отец. Впереди него важно шествовал, размахивая наганом и расчищая тем себе дорогу, известный всему городу чекист с великолепной для его чина и звания фамилией – Гнускин! Затем смиренно шел иерей Павел Верхолетов. Его сзади подпирал штыком, направленным в спину, солдатик с винтовкой наперевес.

Гнускин не допустил нас к арестанту, не дал нам возможности поцеловаться с ним и попрощаться. Он быстро провел Павла Алексеевича на верхнюю палубу парохода. После традиционного гудка судно стало разворачиваться, мой отец осенил провожающих пастырским благословением, а Гнускин гневно завопил:

– Запрещается! Это запрещается!

Люди громко зароптали, но это на представителя местной власти не подействовало.

Пароход медленно удалялся, скрылся в туманной дымке и стоявший на корме отец.

А жизнь текла своим чередом. Захваченный «обновленцами» кафедральный собор пустовал. Прихожане не шли молиться к сектантам и раскольникам. Они теснились в незначительной по размерам кеновии, братском общежительном монастыре. В этом уютном строении, вмещающем не более трехсот молящихся, имелся алтарь, престол, царские врата и иконостас.

В этот молитвенный дом, именуемый кеновией, меня отправила мать. Я по привычке пристроился на хорах и даже немного подпевал там. Седой иеромонах, правивший церков-

ную службу, заметил меня, взял за руку, вывел на амвон и поведал молящимся, что я есть сын несправедливо заключенного в тюрьму отца Павла и что мы выброшены из жилья на мороз, оставлены без средств существования. Иеромонах сказал, что возможна отправка отца Павла в ссылку в Северные края, и он хотел бы повидать детей и жену и попрощаться с ними. Но денег у несчастной семьи нет для поездки в Саратов. Он призвал православный люд оказать посильную помощь нашей семье.

Люди с готовностью откликнулись на его призыв. Представительница Церковного совета дала мне тяжелое медное блюдо с горящей свечей и грустно сказала:

– Пошли, сынок, побираться, собирать милостыньку...

После ее слов, пояснивших, что происходит, меня охватил ужас, и я заартачился, не пожелав, как жалкие нищие на паперти, выклянчивать подаяние.

– Ты что, глупенький, не хочешь повидаться с папочкой, проститься с ним?

После непродолжительного препирательства и споров я, подталкиваемый настойчивой женщиной в спину, медленно двинулся по кругу. На блюдо падали обесцененные инфляцией ассигнации и даже золотые монеты царской чеканки.

Но это не радовало меня. Из глаз невольно текли слезы и капали на бумажки...

Нет, мое детство никак не назовешь счастливым, бесечно романтичным и золотым. В раннем детстве я уже познал немало суровых проявлений жизни и порою несправедливых.

К нашему счастью в Саратове сохранились следователи старой закалки, опытные специалисты. Они, а не московские следователи, раскрыли крупнейшее уголовное дело века. «Ограбление патриаршей ризницы в Кремле». Именно работники саратовской сыскальной полиции раскрыли это крупнейшее преступление, вернув России Евангелие 12 в., золотую чашу, весом 24 фунта, драгоценные панагии и прочие драгоценности. Они же, саратовские специалисты, раскрыли и преступление, совершенное в вольском патриаршем соборе. В итоге мой отец, как невинно обвиненный, был освобожден из-под стражи, но некоторое время пробыл в селении Марьянка, на реке Ирғиз, а затем нас перевели в родной Вольск, где отца назначили настоя-

телем Свято-Троицкой церкви в канун ее юбилейного престольного праздника. Именно в этот день должен был заступить на кафедру вновь предназначенный в Вольск епископ Виссарион. Будучи архимандритом епископ Виссарион несколько лет возглавлял самарскую духовную семинарию, где учился мой отец. Павел Алексеевич, заступив на эту должность, принял энергичные меры по подготовке этого празднования. Он разыскал архиерейскую карету, подготовил необходимых служек для встречи с епископом. Я, как младший среди них, выполнял обязанности своего рода королевского пажа, поддерживая шлейф епископской мантии. Праздник прошел очень хорошо.

Наступил 1925 год. Решено было определить меня сразу в 3-й класс, поскольку моя мать была учительницей и подготовила меня к этому ответственному событию. Подобрали учительницу, отличающуюся хорошей подготовкой и внимательным отношением к своим подопечным, Анну Владимировну Блонде, учительницу с многолетним стажем. Но у меня получились с ней некоторые сложности. Она через несколько дней после поступления меня в третий класс дала нам всем на выходные задание – написать сочинение «Как мы ходили по грибы». Для меня это задание показалось интересным, потому что я ходил по грибы со своими близкими друзьями – с семьей Вольских. Об этом стоит сказать особо. Моя мать, когда меня рожала, находилась в одном родильном отделении с Антониной Терентьевной Вольской, унаследовавшей от родителей большой книжный магазин. У них я получал очень интересные, редкостные для того времени книги: Жюль Верна, Марка Твена, Майн Рида и других. Более того, по грибы я пошел под руководством главы семьи, Василия Вольского, офицера и участника I-й мировой войны. Под конец он преподавал топографию вольским кадетам. И поездку по грибы он организовал интересную. Он рассказывал, как ориентироваться в лесу, как обнаружить, где север, а где юг, учил нас пользоваться компасом. В общем, сочинение получилось интересным и необычным. Моя учительница, Анна Владимировна, заподозрила меня в том, что при написании сочинения мне помогала моя мать, тоже старейшая учительница. Я с ней не согласился, а она настаивала на своем, и сказала, что нехорошо обманывать учительницу.

Прошло некоторое время и такое же задание, но уже в школьной обстановке, мы получили на тему «Летом на Волге». Летом на Волге, конечно, тоже интересно. Я описывал, как вечером, сияя огнями, величаво подходит пароход, как знаменитый силач-самородок Федя-кожемяка тащит на своих могучих плечах пианино на корабль, как аплодируют ему друзья-грузчики, и другие замеченные мной события на Волге-реке.

После прочтения наших сочинений учительница Анна Владимировна встала и сказала:

– Дети мои, я извиняюсь перед Шуриком – зря я его заподозрила. И в школе, и в доме писал сочинение он сам. Он очень много читает, развивается, и пусть и он, и вы все цените наш великий и драгоценный русский язык, – Вот так честно поступила наша учительница Анна Владимировна Блонде.

Анна Владимировна не ограничивала свою деятельность лишь одними школьными занятиями и расписанием. В ее классе стояло пианино. Порой приходила ее красавица-дочка Наташенька. Она играла на пианино, а мы с Анной Владимировной разучивали детские песенки. Более того, Анна Владимировна сочинила любительский спектакль про кузнечиков, бабочек, стрекоз. Мне там была отведена роль жука. Моя матушка положительно оценила эту деятельность и помогла изготовить костюм жука. Она с помощью проволоки создала каркас крыльев справа и слева, облепила их глянцевой черной бумагой, изготовила на голову капор с цветочками, усики жука. Получилось полное впечатление. Я выходил на сцену, размахивая крыльями, и говорил:

– Я старый добрый жук, – и жужжал:– ж-ж-ж.

Ребятишки очень хорошо воспринимали этот спектакль. Я гордился тем, что по городу были развешены наши афиши и была написана цена входного билета: 5 копеек. В то время пирожное стоило 5 копеек, самая крупная порция мороженого – 5 копеек. И вот эти 5 копеек шли на оплату помещения и сцены Дома Профсоюзов, где были эти спектакли. Ребятишкам они очень понравились, и некоторые шли по два, по три раза на наш спектакль.

Но время шло, и в четвертом классе я уже вроде как бы повзрослел, и у меня появились иные, как говорится, влияния и

усмотрения, в этом возрасте у меня появилась первая стенгазета. Именно в четвертом классе, когда мне было 10 лет, я попал в школу, которая называлась «школа-дворец». Никакого дворца там, конечно, не было. Это был бывший лицей. Там я увидел стенгазету, где прочел следующие строки:

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи, –
Стелавин обходит дозором...

В общем, самого директора раздолбили в пух и прах. Мне очень понравилась подобная смелость и как красиво все было оформлено. И я взял в каникулы тоже большой лист бумаги, вырезал что-то из плаката и еще написал стишок Безыменского. Впоследствии с ним я, кстати сказать, работал. Гвоздевым номером у меня была такая зарисовка – «Робинзоны из 4-го В». Там действовали два моих дружка – они пропали, потом их нашли в Камышине, сняли, остригли под нолик – они ехали в Индию. И я их зарисовал. В начальной школе стенгазет не было, и все учителя смотрели и довольны были, а эти мои друзья-робинзоны потом мне дали, так что потом синячок был – так что вот мой первый газетный гонорар. А второй – уже когда в армию призвали, когда я стенгазету начал выпускать ротную.

Завершение школы совпало с очередным арестом отца, Павла Алексеевича, поэтому выпускной вечер был нерадостным. В 1931 году отец был сослан на строительство Свирьстроя, вернулся, а в 1937 году в Гурьеве его арестовали вновь и дали десять лет без права переписки. Там он и закончил свою жизнь, в гурьевских степях.

Из справки от НИПЦ «Мемориал»

Верхолетов Павел Алексеевич, 1892 г.р. Место рождения: Куйбышевский кр., Елховский р-н, Красные дома село.; русский; образование: среднее; Должность: священник.; место проживания: Атырауская обл. (Гурьевская), Гурьев.

Арест: 10.09.1937 Арест., Гурьевский окротдел НКВД.

Осужд. 05.11.1937 тройка при УНКВД по Западно-Казахстанской обл.. Обв. 58-10, 58-11 УК РСФСР

Расстрел

Реаб. 19.12.1988 Гурьевский облсуд, основание: за отсутстви-

ем состава преступления

Источник: Сведения ДКНБ РК по Атырауской обл.

Некоторые пояснения к справке:

ст. 58-10 - «антисоветская агитация»

ст. 58-11 - «участие в контрреволюционной организации»; ДКНБ РК – Департамент национальной безопасности Республики Казахстан.

Для меня в четырнадцать лет началась взрослая жизнь – я переехал в Петроград. Так было безопаснее в то время – дальше от событий репрессии. А родители развелись, чтобы волна репрессий не накрыла детей...

На этом воспоминания папы – именно те слова, которые он успел передать для публикации именно этой книги, заканчиваются. Дальше о его жизни написано на основе очерков, которые он писал в разное время жизни, интервью для телевидения, его рассказов о разных жизненных эпизодах, которые запомнились. К сожалению, ту яркость и колоритность, которая всегда была присуща его словам, воспроизвести сложно.

Начало журналистского пути. На Карельском перешейке.

«Биография у Саши обычная. С газетой он связан со школьных лет. Десятилетним мальчишкой стал юнкором, потом – рабкором, принимал участие в рейдах «легкой кавалерии», а когда пришел в армию, начал «военкорить». В звании красноармейца Московской Пролетарской дивизии он стал секретарем полковой многотиражки (были в свое время и такие), уже журналистом участвовал в боях на Карельском перешейке, работал в «дивизионке» и в газете «Красный воин» Московского военного округа. От июньских дней сорок первого года, полных невзгод и суровых испытаний, и до победы в Берлине Саша пробыл на фронтах Великой Отечественной войны, работая в газетах Южного, Северо-Кавказского, Сталинградского, Воронежского и 1-го Украинского фронтов.» – Борзунов С.М., «Рядовой газетной строки».

В середине тридцатых годов я был призван в армию,

служил в стрелковом полку (столичной «Пролетарки», впоследствии получившей название 1-й гвардейской Пролетарской Московско-Минской мотострелковой дивизии). Ротная стенгазета, которую я редактировал, была на хорошем счету, и мне поручили выпускать полковую многотиражку. «Дивизионка» появилась у нас лишь в 1939 году, заменив полковые газеты. Не стоит удивляться, что мне, молодому бойцу, доверили столь ответственное дело. С журналистскими кадрами в то время было туго. Памятуя, что не боги горшки обжигают, я горячо взялся за подготовку первого номера, а вскоре высыпал перед верстальщиком ворох написанных от руки листочков:

– Таких заметок у меня навалом. Можете делать газету.

– Ты, солдатик, ошибся, – охладил меня верстальщик, – Тут не ликбез, а типографское производство. Газетку придется делать тебе самому. Прикинь, как разместить эти писульки, изобрази макет, а уж потом приходи. Я ничего не понял и не представлял даже, как выглядит этот злополучный макет. По соседству с нашей типографией находилась редакции окружной газеты, и я поспешил туда. В секретариате сидел озабоченный человек и перебирал гранки. Он сочувственно отнесся к просьбе начинающего газетчика. Представитель первого поколения красноармейцев Иван Петрович Троицкий помог мне составить макет, подшлифовал и сократил заметки, подыскал даже клише, оживившее первый номер многотиражки.

Пока Троицкий «колдовал» над макетом и разяснял мне секреты газетного дела, помещение заполнили сотрудники "Красного воина". Рослый, плечистый парень откомендовался Сергеем Турушиным и полюбопытствовал, что нового произошло в нашем полку.

Я сказал, что командир дивизии собрал накануне комсостав и устроил просмотр зарубежного учебного фильма "Снайпер". Зрители с огромным интересом следили за действиями снайпера, который искусно маскировался то под корневищем дерева, то в железной трубе, а под конец забрался даже в брюхо убитой лошади...

– Отличная информация! – воскликнул Турушин. – Садись, дорогой товарищ, пиши заметку.

Так началось мое знакомство с «Красным воином» и его

доброжелательными сотрудниками.

Своеобразная учеба продолжалась и тогда, когда в наш полк приезжали красноармейцы. Мы вместе бывали на стрельбище, ходили по ротам и учебным полям. Часто я советовался с товарищами по перу, прислушивался, как они беседуют с героями будущих публикаций, подмечая все новое, что появилось в частях, не оставляя без внимания и так называемых мелочей армейской жизни.

Я с благодарностью вспоминаю красноармейцев предвоенных лет Л. Дуна, Б. Засухина, С. Индурского, А. Белановского, П. Соина, Н. Зыкова, А. Курбатова, В. Кузнецова, А. Морозова, Б. Ярославцева, М. Ревунова, А. Козева, А. Гнедина, С. Тараева, Г. Рубашкина, Г. Ковалева, В. Лимарева, Т. Журавлева, В. Быковского, Г. Лурье, А. Байбикова, В. Портнова, М. Строкова и других сотрудников.

Красноармейцем номер один по праву именуют старейшего фотокорреспондента Алексея Михайловича Прохорова, который работал в редакции газеты столичного военного округа с первого дня ее основания, потрудившись там штатно и внештатно свыше 50 лет.

На заре века юный фотолобитель Алеша Прохоров из подмосковной Шараповой Охоты был принят в студию зачинателя кинопроизводства в России А. Ханжонкова и успешно освоил редкостную по тем временам специальность кинооператора. Но грянула первая мировая война, а за ней – гражданская, и кинооператору Прохорову пришлось по долгу ратной службы стать фотографом при штабе МВО. В 1921 году Алексея Михайловича направили в "Красный воин".

В конце тридцатых годов, когда я был зачислен в штат "Красного воина", мне приходилось частенько бывать в командировках с очень скромным, трудолюбивым и безотказным Алексеем Михайловичем, слушать его воспоминания о первых военных парадах на Ходынском поле и на Красной площади, о встречах с видными полководцами.

И в послевоенное время, когда Алексей Михайлович достиг уже солидного возраста, он продолжал показывать образцы оперативности, делая снимки с борта вертолета и катера, с брони плавающего танка. Такая уж неумная была у него душа. Когда Прохоров стал пенсионером, он и тогда не покинул "Красный воин", а

на общественных началах продолжал трудиться в отделе писем.

Под статью красновоинцу номер один были и наши заслуженные ветераны С. Палюх, А. Цветков, Е. Шестова, М. Филимоненко и другие труженики. Елену Григорьевну Шестову и Марию Семеновну Филимоненко я помню совсем молодыми девушками. В тридцатых годах они работали курьерами и в редакции поддерживали порядок.

Однажды редактор отлучился по служебным делам, а за его кабинетом приглядывала Мария. Вдруг затрещал телефон. Девушка сказала, что Погарского нет, а когда вернется, она не знает. Звонивший поинтересовался, с кем разговаривает.

– Я Маруся! А ты кто?

Собеседник весело отрекомендовался:

– А я Сеня!

– Какой еще Сеня?

– Сеня Буденный. Маршал, – затем командующий войсками МВО серьезно добавил: – Когда редактор вернется, пусть позвонит мне. Есть важное дело.

Такой случай припомнился мне отнюдь не с развлекательной целью.

Окружное командование всегда держало с редакцией теснейшую связь, ибо газета во все времена считалась ближайшим другом и наставником воинов, надежной опорой командования.

В конце 1939 года меня пригласил на собеседование ответственный редактор «Красного воина» М. Погарский. Предложив мне должность инструктора отдела информации, Михаил Владимирович предупредил, что меня сначала отзовут на стажировку, а затем зачислят в штат.

...Дежурный по полку поднял меня ночью, словно по тревоге. Был открыт запломбированный склад и там мне выдали каску, малую саперную лопату, сумку для гранат, кобуру для пистолета, валенки, стеганые шаровары и страшно колючий подшлемник.

Дежурный по полку отчасти развеял мое недоумение сообщив, что меня приказано немедленно откомандировать в распоряжение «Красного воина» и выдать военное снаряжение и зимнее обмундирование, потребное для службы в се-

верных районах.

Все стало ясно буквально через день. Началась советско-финляндская война, в которой, нашим войскам пришлось свирепой зимой штурмовать железобетонные укрепления линии Маннергейма. На базе «Красного воина» была быстро сформирована редакция газеты 13-й армии «Во славу Родины». Ответственным редактором той газеты назначили М. Погарского. Вместе с ним на Карельский перешеек выехали красновоинцы И. Друз, А. Замотаев, А. Гнедин, Н. Зыков, Л. Перцев, С. Иванов, Д. Косых и я. Так что моя журналистская стажировка проходила не в Москве, а в снегах Суоми, где порою приходилось лежать рядом с обледенелыми трупами под прицельным огнем неприятельских «кукушек», переносить многие тяжелые испытания. Но закалку получил основательную.

Во время Карело-Финской войны произошел один эпизод, который меня многому научил, заставил глубоко задуматься о сложных и многогранных обязанностях военного журналиста, о месте журналиста в бою. Было это на Карельском перешейке, советские войска штурмовали мощные укрепления. На передовой корректировал огонь артиллерийский офицер. Корректировал, видимо неплохо, потому что его пристрелили финны.

И на моих глазах, там, где он кричал и говорил, шлепнулось несколько мин и его тяжело ранило, он упал. Я кинулся туда, но подоспели его помощники, подхватили и командира батареи и еще трех тяжелораненых красноармейцев и повезли в тыл. И лежит эта несчастная трубка в окопе, в блиндаже, там даже не окоп был, а щели. И в щели этой на дне глубоко, очень глубоко лежит трубка и там крик раздается:

–Алло, алло!

Я залез туда, взял, говорю, посмотрел на стереотрубу, она стоит прямо на цели, на станковом пулемете, возле которого копошатся белофинны в масхалатах. Я скомандовал «огонь». Дали огонь, не попало. Не помню, получился недолет или перелет. Я дал какую-то поправку, допоправлялся, что разлетелась вдрызг эта пулеметная точка. Я от восторга и, не поняв что хватит, говорю:

– Беглый огонь! – Артиллеристы пошли лупить вовсю. Потом подбежал кто-то, сказал:

– Куда уж ты, уже все – хватит! – Потом прозвучал сигнал атаки, и я с призывом «за Родину!» выскочил из окопа, побежал вместе с пехотинцами.

После того, как высота «Груша», имевшая очень важное значение для хода боев, была взята, я примчался в редакцию армейской газеты «За честь Родины», сел писать информацию. Только здесь понял, что писать, собственно, и нечего. Я не мог назвать героев, которые первыми ворвались на высоту и водрузили там красный флаг. Не знал даже тех, с кем рядом бежал в атаку. Да и об артиллеристах, которые с моей помощью уничтожили огневую точку, тоже ничего не мог сказать. Заметка получилась бледная, безликая.

На летучке писатель Борис Горбатов, который не однажды с похвалой отзывался о моих материалах, а позже дал партийную рекомендацию, как говорится, в пух и прах разнес заметку. А редактор полковой комиссар М. В. Погарский кратко подытожил:

– За храбрость – пять с плюсом, за информацию – два с минусом.

Уроки советско-финляндской войны заставили коренным образом изменить подготовку частей и подразделений. Газетчики, побывавшие в пекле боев, активно пропагандировали на страницах "Красного воина" фронтовой опыт.

Летом 1940 года мне довелось больше недели быть рядом с начальником штаба МВО генералом В. Соколовским, впоследствии маршалом, который готовил 137-ю стрелковую дивизию к наркомовскому смотру. Генерал не раз заводил разговор о "Красном воине", дал нашей редакции немало полезных рекомендаций.

А скоро в 137-ю дивизию прибыл нарком обороны С. Тимошенко. Соединение показало высокую полевую выучку, огневую, тактическую и специальную подготовку. Нарком наградил дивизию переходящим Красным знаменем.

22 октября 1940 года переходящим Красным знаменем Наркомата обороны была награждена и газета МВО "Красный воин", распространявшая в войсках передовой опыт, помогавшая командованию укреплять дисциплину и порядок, повышать боевую готовность.

У меня сохранился сборник очерков о лучших бойцах и командирах столичного округа, выпущенный издательством «Красного воина» незадолго до начала Великой Отечественной войны. Есть в этом сборнике и два моих очерка о воинах, отличившихся на наркомовском смотре. Перелистывая эту книжечку, я обратил внимание на слова писателя Василия Ильенкова, вложенные в уста его героя, выпускника химико-технологического техникума, ставшего отличным старшиной:

– Работать над превращением человека слабого в сильного, робкого в смелого интереснее, чем работать над превращением одного вещества в другое.

Этим важным и нужным делом уже много лет занимаются многие поколения журналистов.

В 1939 – 1940 редакция «Красного воина» пополнилась призванными из запаса профессиональными журналистами и отлично подготовленными строевыми командирами. Майор С. Сретенский пришел к нам с двумя академическими дипломами. В то время как его товарищей-однокурсников по академии Генштаба назначили на ответственные генеральские должности, Сергея Николаевича обошли в чинах, прислав его в отдел боевой подготовки редакции окружной газеты. А причиной тому, как мы потом узнали, была незначительная анкетная "закавыка", касающаяся его жены. По тем же мотивам к нам назначен был и капитан Н. Зыков.

Эти масштабно мыслящие, хорошо образованные строевые командиры оказались ценным пополнением редакции. У них всегда можно было получить товарищеский совет, квалифицированную консультацию. Я, например, старался не пропустить ни одного обзора боевых действий на Западе, которые для нас периодически делал майор С. Сретенский. Современной и глубокой по мыслям была его лекция об авантюрной теории блицкрига, взятой на вооружение нацистами.

За три недели до нападения гитлеровцев на нашу страну редакцию посетил Илья Эренбург, автор только что опубликованного романа "Падение Парижа". Очевидец вступления немецких оккупантов во французскую столицу, Илья Григорьевич поделился впечатлениями о войне на Западе, охарактеризовав фашистскую Германию как сильного, вероломного и опасного противника.

Великая Отечественная – от первых минут до Победы.

После советско-финляндской войны 1939 – 1940, завершившейся недолгим и хрупким миром, я вернулся в редакцию газеты Московского военного округа «Красный воин» и приступил там к привычной корреспондентской работе. В роковую ночь на 22 июня 1941 года я дежурил по выпуску воскресного номера «Красного воина». Газеты тогда, как правило, печатались под утро, когда ТАСС давал на «добро» на тираж.

Ночью редактора «Красного воина» Михаила Владимировича Погарского вызвали в Наркомат обороны. Вскоре он позвонил оттуда, подчеркнуто сухо и официально приказал, не дожидаясь его, подписать номер газеты и печатать. М.В. Погарский распорядился никого из ночной смены не отпускать, иметь при себе список личного состава, адреса и телефоны сотрудников. Вернувшись из Наркомата, Михаил Владимирович с грустью сказал:

– И тебе пришла пора собираться в путь-дорогу. Нас опять труба зовет!

– Стало быть, война? – догадался я. Редактор подтвердил, что это так.

Я подошел к раскрытому окну. Видны были кварталы Москвы, объятые тишиной. Медленно таяла дымка, занимался рассвет. Из близлежащей школы выпорхнула беззаботная стайка выпускников, еще не ведающих о трагических событиях. После школьного бала они, наверное, направлялись на Ленинские горы встречать восход солнца. Зазвенела популярная тогда песня «Если завтра война». Хотелось крикнуть:

– Не завтра, родные, а уже сегодня, с часу на час, с минуты на минуту. И Вашей беспечной юности настанет конец!..

А время не ждало, надвигался зловещий час «Ч». Уже было определено, что газетой Южного фронта станет «Во славу Родины», а Михаил Владимирович Погарский ее редактором. Он спросил меня готов ли я идти на фронт, войти в состав редакции «Во славу Родины». И я твердо и убежденно ответил ДА. По заданию М.В. Погарского я приступил к мобилизационным мероприятиям по формированию

состава редакции – поднимал по тревоге наших соратников по Карельскому перешейку писателя Бориса Горбатова, поэта Илью Френкеля, создавшего фронтовую песню «Давай, закурим», сатирика Владимира Полякова, автора сценария фильма «Карнавальная ночь». Вызвал на рассвете по телефону «короля информации» Сергея Турушина, редакционного «стратега» Владимира Тихомирова, пробивного репортера Виктора Минаева.

Командующий войсками фронта генерал Тюленев приказал сформировать специальный поезд для оперативной группы штаба Южного фронта, который формировался на базе Штаба Московского Военного Округа. К этому поезду был специально прицеплен вагон для оперативной группы редакции и типографии изданий – в нем мы отправились на войну...

В Малоярославце я распростился с матерью, сестрой, и они плакали. Там же меня вызвал редактор и сказал:

– Тебе задание от члена Военного Совета Южного фронта, – а он до этого был начальником главного политического управления и Зам. Наркома СССР. И вот за подписью вот этого Зам. Наркома СССР я возвращаюсь в Москву обратно из Малоярославца, чтобы получить четыре легковых автомашины и одну полуторку с шоферами и с личным составом. С таким заданием я вернулся, и уже через два дня я имел три платформы, на которых были машины, и их прицепили на этот раз к товарняку. В этом товарном поезде ехали остальные члены нашей редакции, газеты Южного фронта «Во славу Родины». В поезде находились: С. Михалков, Б. Горбатов, И.Френкель, Б.Поляков – те, кого я вызывал и еще несколько человек из «Красного воина».

Первая фронтовая поездка была с Горбатовым, известным писателем, с ним мы неоднократно бывали на передовой позиции, еще в Финляндии, и в этот раз она не отличалась большими особенностями. Он пробился аж в боевое хранение. Лейтенант, который командовал группой бойцов, лежал там на бугорке. Немцев было видно оттуда невооруженным глазом. Лейтенант предупредил нас, что мы очень далеко забрались, обстановка очень опасная. Но он был упорен и говорит:

– Вот здесь и начнем нашу работу.

Я заметил, что он делал на коробке от папирос такие набросочки, заметочки – это у него был своеобразный блокнот. И все, что мы с ним увидели, потом было в первом знаменитом письме Горбатова. Эти письма были, прямо-таки набатного характера – публицистические письма «О Родине», «О жизни и смерти», «Пядь родной земли» – вот какие вопросы он там ставил. Так вот уже в первом письме «Родина» я встретил описание того, как мы были на бугорке: «Он лежал чуть пониже гребня высоты во ржи и смотрел в бинокль, и видна была река, и синий лес, и желтоватые дымки разрывов.» Нам сказали, что этот человек – Арташе Саакопян, знаменитый снайпер. Мы легли рядом с ним. И вот с этого как раз начиналось первое письмо.

В своем втором письме «О жизни и смерти» он говорил об ответственности каждого из нас за защиту Родины-матери, о животворном патриотизме.

«Здесь каждый дерется за себя и Родину!» – восклицал Горбатов, – «За свою семью, за свою судьбу и за судьбу Родины... Не отдерешь, слышишь, не отдерешь нас от Родины. Кровью и мясом приросли мы к ней. Ее судьба – наша судьба. Ее гибель – наша гибель. Ее победа – наша победа».

Не случайно Горбатова называли писателем переднего края, публицистом атакующего слова. Письма появились в первые месяцы войны и прозвучали как призывный набат. К. Симон охарактеризовал эти «Письма» как вершину публицистики военных лет. Избрав разговорную форму «Писем», Борис Леонтьевич просто и задушевно вел беседы с сотнями тысяч фронтовиков и с каждым в отдельности.

«Товарищ! – дружески спрашивал Б. Горбатов незримого собеседника. – Где ты был первого сентября?»

«Может, шел в атаку? Может, лежал в обороне? В этот день я ехал на фронт и видел то, чего никогда не забуду.»

«Шли дети в школу. Чистенькие, нарядные, торжественно, с сумками и портфельчиками, бережно несли чернильницы в бумажках и ручки их были уже закапаны синими чернилами... Они говорили с гордостью: «Мой папа на войне. Он защищает Родину»... И когда мы вернемся с тобой домой, товарищ, твой сын и моя дочь спросят нас: «Как ты дрался, папа?» Смотри,

товарищ! Бейся так, чтоб потом можно было глядеть в ясные, чистые глаза своего сына».

«Вот и наш черед пришел, товарищ, для великих дел, – напоминал Б. Горбатов. – В этой песне о Каховке не хватает куплетов про нас с тобой. Они будут!»

«Будем ли мы с тобой драться, как дрались наши отцы? Будут ли о нас песни петь, или проклянут, как трусов?»

Так смело и остро ставил писатель-публицист вопрос о поведении воина на фронте, вел большой разговор о жизни и смерти на войне. Искренне сопереживая фронтовикам, Борис Горбатов «глаголом жег сердца людей», воодушевляя воинов на подвиги и героизм, на разгром врага.

В июле 1941 года нам с Борисом Леонтьевичем приказано было выехать в район Первомайский, где наши войска вели тяжелые бои.

Ночью ударил ливень, прогромыхла гроза. По раскисшим дорогам мы продолжили путь в 18-ю армию. Возле переправы через реку сгрудилась непробиваемая транспортная «пробка». Борис Леонтьевич углубился в лес, отыскивая там штаб армии, а я с водителем Супенко остался у машины.

Налетела вражеская авиация. Пикирующие бомбардировщики прямо-таки издевались над беззащитным скоплением автомашин у реки. Попаданием бомбы был расщеплен вековой дуб, к которому я подбегал. Взрывной волной был сбит с ног и обильно осыпан меткой трухой.

Подоспевший Борис Леонтьевич взялся счищать с меня опилки и участливо спросил, не ранен ли я? Услышав, что Бог миловал, Горбатов выдернул из моего сапога горячий и острый осколок, застрявший между двумя кожами, и спросил: «А это что?».

Отделался я легко и продолжал выполнять свои репортерские обязанности.

Вернувшись в Одессу, где находилась наша редакция, мы узнали печальную весть: гитлеровцы подвергли сильной бомбардировке Одессу. Ответственный секретарь редакции Илья Друз и поэт Сергей Михалков были застигнуты бомбежкой в центре города. В здание, возле которого они стояли, по-

пала бомба. Старинный дом с колоннами рухнул. Из-под груды щебня кое-как выбрался побитый и контуженный, осыпанный известкой и ставший белым, как мельник, Сергей Владимирович Михалков. А труп Ильи Ефимовича Друза откопали только через несколько дней.

Бомбардировкой были повреждены здание редакции и гостиница, где опрометчиво разместились наши газетчики. Редакцию пришлось переселить в район Приморского бульвара. Там для типографии готовили блиндажи.

Наше пребывание на окраине Одессы было непродолжительным. Печатали фронтную газету в типографиях Николаева и Запорожья. Там мы слышали отдаленный грохот, потрясший наши сердца. То была взорвана гордость многонациональной страны – легендарный Днепрогэс.

А из осажденной Одессы наш фотокор А. Егоров телеграммой сообщил, что находившийся с ним журналист Клавдиев тяжело ранен и морем эвакуирован в тыл.

Редактор Погарский вызвал меня и А. Козева и озабоченно приказал.

– Немедленно, пока еще не прорвались фашисты к перемычке Крыма, мчитесь в Севастополь и пробивайтесь морем в осажденную Одессу. Жду газетные сообщения о защите города-героя.

В ту же ночь на эсминце «Смышленом», преследуемом двумя немецкими торпедными катерами, мы добрались до знакомой нам Одессы и поутру отправились в 1-й полк морской пехоты Я. И. Осипова, побывали в знаменитой 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерала И.Е. Петрова.

Были трудности с доставкой материала в редакцию. Приходилось использовать различные средства, в том числе и попутную «оказию». В осажденный город приезжал, например, Константин Симонов, ночевал с нами в одной комнате. Возвращаясь в «Красную звезду», он по-товарищески прихватил с собой наши репортажи, корреспонденции и фото пленку, переправив их затем во фронтную редакцию «Во славу Родины».

Писал я и об одесских партизанах, о самоотверженных тружениках, возводивших на улицах города-героя баррикады, строивших оборонительные рубежи на подступах к черноморскому порту.

Когда войска, оборонявшие жемчужину Черноморья, покидали по приказу Ставки Одессу, мы с А. Егоровым вернулись в редакцию газеты Южного фронта «Во славу Родины», которая в то время находилась в Донецке. Бои в Донбассе не утихали. Ростовская наступательная операция войск Южного фронта, освободившая славный город на Дону и разбившая танковую армию Клейста, стала одной из первых «ласточек», возвестивших приближение скорой победы наших войск под Москвой.

18 января 1942 года должна была начаться Барвенково-Лозовская наступательная операция Юго-Западного и Южного фронтов. За несколько дней до начала наступления, ответственным редактором нашей газеты был назначен Д.А. Чекулаев, возглавлявший ранее редакцию газеты 9-й армии.

Мы были с Дмитрием Александровичем хорошо знакомы, поскольку я в той армии являлся корреспондентом от фронтной газеты. Накануне наступления наших войск новый редактор вызвал меня по телефону в Старобельск, где базировались тогда Военный совет и штаб Южного фронта. Чекулаев сообщил, что он только что получил Обращение Военного совета к войскам фронта. Этот важный документ должен быть немедленно опубликован в газете, а тираж доставлен во все части.

– Надо срочно возвращаться в редакцию, – заключил Дмитрий Александрович.

Когда мы выезжали из Старобельска, уже темнело, и всюду разыгралась метель. Дорога была трудная, но водитель В. Мунтян уверенно вел машину. Однако при выезде из Веселой Горы, когда до Луганска оставалось десятка два километров, возле мельницы-ветряка, осыпаемого снежными вихрями, в машине сломалась ступица. В населенном пункте не было ни мастерской, ни запчастей. Я попытался успокоить расстроившегося редактора и сказал, что я на лыжах бегаю неплохо, выносив и до Луганска быстро доберусь.

– У нас нет лыж, – удрученно ответил редактор.

– Это не проблема, – уверенно заявил я. – Лыжи будут!.. И я вернулся в Веселую Гору, из которой мы только что выехали. Набрел в сумерках на среднюю школу, где еще не разошлись ребята. Школьники подхватили мой пламенный призыв и, как дровами, завалили меня лыжами. Я подобрал

пару легких лыж с хорошими креплениями. Но редактор отклонил мою кандидатуру. Он, пожилой человек, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, порой хватавшийся рукой за сердце, решил ночью, в метель, сам пойти на лыжах.

– Я редактор, – напомнил Дмитрий Александрович, – и обязан не только подписать номер в печать, но самолично доставить и опубликовать в газете Обращение Военного совета фронта, призывающее войска подняться в решительное наступление и сокрушить врага.»

Чекулаев, как мы вскоре узнали, благополучно дошел на лыжах до Луганска. К утру метель стихла и прояснилось. Это позволило самолетам ПО-2 вовремя доставить в нашу ударную группировку пачки газет с Обращением Военного совета.

Редактор был верен своему слову. Утром нам с Мунтяном привезли на Веселую Гору харчи, запасную ступицу и свежие газеты. Не заезжая в редакцию, мы помчались на передовую, где завершалась артподготовка, и кавкорпус генерала А.А. Гречко готовился устремиться в прорыв, чтобы выйти на оперативный простор...

Своеобразным продолжением Барвенково-Лозовской наступательной операции было Харьковское сражение. Войска Юго-Западного фронта под командованием Маршала С.К. Тимошенко 12 мая 1942 года нанесли с Барвенковского выступа довольно мощный удар по немецко-фашистским войскам и за три дня наступательных боев продвинулись на Харьковском направлении от 18 до 50 километров.

Южному фронту отводилась вспомогательная роль. Я был в то время от фронтовой газеты корреспондентом в 9-й армии, которой командовал генерал Ф.М. Харитонов. 15 мая 1942 года эта армия тоже начала боевые действия и на другой же день овладела важным опорным пунктом противника на подступах к Славянску – Маяки. Это селение, расположенное в холмистой местности, прикрытое водной преградой и инженерными сооружениями немцев, продолжительное время было недоступным для нас. Гитлеровцы разбрасывали даже нахальные листовки с обидными словами: «Что же вы за вояки, коль не возьмете Маяки». А 16 мая 1942 года 9-я армия неожиданно заняла эти Маяки и добыла очень важных пленных.

Воодушевленный столь неожиданным итогом боя, я журналистски дотошно спросил у появившегося в Маяках командарма Ф.М. Харитонova:

– Как расценить взятие опорного пункта противника Маяки? Это тактический или оперативный успех, открывающий возможности для освобождения Славянска и Краматорска?

Но Федор Михайлович уклонился от ответа, сказав, что он очень устал. Командарм сказал мне:

– Шагай, дружок, к академику-штабисту, он на научной основе проанализирует масштаб наших боевых действий. А в литавры бить не спеши...

А через несколько часов после беседы, на рассвете 17 мая 1942 года, меня разбудила артиллерийская канонада, доносившаяся с передовых позиций. Было ясно, что противник перешел к активным боевым действиям и под Славянском.

Когда я добежал до штаба армии, находившегося в Долгеньком, в небе появилось множество вражеских самолетов, обрушивших касетные бомбы. Я поспешил к хате, где остановился на ночлег, вскочил на коня и помчался в Изюм, что на Северском Донце, оглядываясь на появившуюся вдали пару немецких танков. Они, правда, не открывали огня, но сразу оседлали ту самую дорогу, по которой я только что выскочил из Долгенького.

А относительно спокойный участок под Славянском 17 мая 1942 года внезапно превратился в клочущий вулкан. Наши войска, сосредоточенные в Изюм-Барвенковском выступе и отрезанные гитлеровцами от своих, вели тяжелые бои с превосходящими силами врага. Многократно был свидетелем того, как вырвавшиеся с боями из неприятельского «котла» наши полки порою с развернутыми знаменами, а также отдельные группы, пополняли боевые ряды 9-ой армии. Подготовил несколько репортажей, очерков и корреспонденций. Однако со связью было скверно и пришлось вернуться в редакцию.

Лето 1942 года изобиловало тяжкими боевыми испытаниями. В июле передовые отряды 1-й немецкой танковой армии прорвались к Каменск-Шахтинскому, где находились штаб и управление Южного фронта, а также наша редакция. Пришлось

эвакуировать за Дон издательство, редакцию и типографию. Но там их ждала новая беда. К Морозовску, где они разместились, тоже прорвались немецкие танки. Наши газетчики оказались отрезанными от своих. Окружения избежал лишь редактор Д.А. Чекулаев, вызванный в Военный совет, который еще оставался в Каменске-Шахтинском.

Мы же с Сергеем Турушиным возвращались из очередной командировки и на окраине почти опустевшего города встретили редактора и доложили ему о подготовленных нами в войсках газетных материалах. – Итак, нас трое! Это уже сила, – обрадованно сказал Чекулаев. – Будем выпускать газету.

В одном из прифронтовых населенных пунктах, мы временно задержали эвакуацию местной типографии, распаковали шрифты, разыскали по домам полиграфистов и в рекордно короткий срок наладили выпуск фронтовой газеты. Мы с Турушиным не только обеспечили газету материалами, но рисовали макеты полос, принимали по радио сообщения ТАСС и Совинформбюро, подменяли выпускающих, машинисток, корректоров и экспедиторов.

Выяснилось, что сотрудники редакции, угодившие в Морозовске в окружение, не только вырвались из вражьего кольца и ночью переправились через реку, но и возобновили выпуск родной «Во славу Родины» в полевых условиях. Несколько дней фронтовая газета печаталась в двух местах и в двух вариантах. Это редкое событие в нашей печати, по-моему, заслуживает внимания историков.

В июле 1942 года решением Ставки было расформировано управление Южного фронта, а войска объединены с войсками Северо-кавказского фронта. Наша редакция тоже была расформирована.

Безработными мы, правда, не были. Наши коллеги из Северо-Кавказского фронта тоже попадали под удары вражеских танков. Пришлось помочь товарищам по перу. Перебазировавшись в район Туапсе, мы некоторое время помогали выпускать там газету Северо-Кавказского фронта «Вперед, к Победе!».

В августе 1942 года бригадный комиссар Л.И. Брежнев, ставший зам.начальника ПУ Северо-Кавказского фронта, вру-

чил нам предписания, обязывавшие отбыть в распоряжение ПУ Юго-Восточного фронта, который вскоре стал Сталинградским, главным фронтом страны.

Прибыв на берега Волги, к опаленным огнем и дымящимся стенам легендарного Сталинграда, мы с огорчением узнали, что редакция фронтовой газеты там уже создана и штат укомплектован. Но я считал себя коренным волгарем, родившимся и выросшим на берегах великой русской реки, и потому изъявил горячее желание выполнять воинский долг и журналистские обязанности только здесь и на любых условиях.

Заместитель отв. редактора фронтовой газеты «Сталинское Знамя» С.И. Жуков внял моей просьбе. Кроме меня, в редакцию взяли Сергея Турушина, фотокора А. Егорова и пожилого вольнонаемного литсекретаря Ю.М. Янопольского. Взяли условно. Работали, как и все, но числились в резерве, не имея фронтовых льгот и допайка.

На редакционной летучке бойкий местный «старожил» посоветовал напечатать в газете серию писем «Рота идет на фронт». Предложение поддержали и дополнили. Серию решили завершить документальным репортажем о боевом «крещении» маршевой роты. Был задан вопрос: «А кто из корреспондентов пойдет с маршевой ротой в бой?» Воцарилось неловкое молчание. Бойкий инициатор этого предложения поспешил отговориться и сослался на уважительную, якобы, причину.

– Если я пойду с маршевой ротой и засяду в окопе, газетный «зубр», – то кто без меня состряпает «Веселый отшельник»?

Пришлось мне, новичку, зачисленному в редакцию на «птичьих» правах, вызываться на это рискованное дело. Участники летучки облегченно вздохнули.

Маршевую роту, пополненную сталинградскими рабочими-добровольцами, я встретил на волжской переправе. Она направлялась в 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая ранее была 136-й. С ней я впервые встретился жестокой зимой 1939-40 гг. на советско-финляндской войне, побывав в полку, которым командовал тогда уже легендарный С.И. Младенцев, впоследствии Герой Советского Союза, генерал-майор. Это он, с «кремлевскими курсантами», стоял в сорок первом насмерть под Волоколамском, обороняя Москву.

Это соединение я вторично встретил уже в сорок первом году под Ростовом-на-Дону. Здесь, у опорного пункта Дьяково, герои дивизии стяжали славу гвардейского соединения, отбивая бешеные атаки эсэсовцев «Викинг». В том бою бессмертный подвиг совершил адыгейский журналист и поэт Хусен Бережевич Андрухаев, подорвавший себя и окруживших его врагов гранатами.

Узнав, что снайперская винтовка Андрухаева чудом уцелела и хранится у оружейного мастера, мы с заместителем командира полка Шемякиным организовали вручение оружия героя перед строем лучшему воину, идущему в бон. Винтовка № КЕ-1729 с надписью на пластинке «Имени Героя Советского Союза Х.Б.Андрухаева» была вручена отличному огневику гвардии старшине Николаю Ильину. Об этом я подробно писал во фронтовой газете.

Вскоре после победоносного окончания войны, осенью 1945 года я на пару дней прилетал в Москву. Заглянул и в Центральный музей Вооруженных Сил. Там с волнением увидел хранимую под стеклом винтовку № КЕ-1729. Она потемнела от времени и, как ветеран-фронтовик, посечена осколками. На пластинке, врезанной в приклад, была уже иная надпись: «Имени Героев Советского Союза Х. Андрухаева и Н. Ильина». Так гвардеец, приняв оружие героя, сам стал героем, уничтожив из этой винтовки 494 фашиста.

Но вернемся к суровым временам осени 1942 года, в сражающийся Сталинград и 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Ночью я прибыл на командный пункт батальона – скверная погода осенью – был конец сентября. В том батальоне, где рота вступала в бой и куда я приехал, уже мало кого осталось. В полночь загрела артиллерийская канонада и превосходящие силы противника обрушились на батальон. Поступали тревожные донесения: «убит командир четвертой роты», «ранен командир седьмой роты», «противник атакует во фланг, командование ротой принял сержант»...

В итоге командир полка приказал перейти к обороне, и на этом все кончилось. Я написал о действиях командиров в бою, потому что они мчатся первые, за собою увлекают. А там, между нами говоря, прибыло пополнение из Казахстана. Они русский

язык плохо понимают, хотя не воевать, а есть. В общем, командирам приходилось грудью брать все атаки. Ну, я и написал про это. Набрали, послали: ни в коем случае – цензор не дает добро. И все – материал мой «накрылся» – печатать отказались. А потом, через недели две, приходит инструкция из генштаба, из ставки и предваряет о том, что будет выпущен Боевой Штаб Пехоты (БУ П-42). «Обратитесь, изучите, действуйте по этому приказу». И уже там говорилось о действии командира в бою, что большая убыль в командном составе. Даже приказ Сталина там был. Мне говорят:

– Срочно давай, подписывай свою статью, – Я даже цитаты из приказа туда добавил из наших инструкций: и про Суворова, и про Кутузова, и про наших командиров. Дали статью на четыре колонки о месте командира в бою. Потом мой четырехколонник, занимавший более половины полосы, на «летучке» расхвалили, а ответственный редактор И.Ф. Половинкин объявил, что посылает в вышестоящие органы представление о зачислении меня в штат редакции. Но 4 ноября 1942 года меня тяжело ранило, а 6 ноября выбывшего из строя А. Верхолетова зачислили на должность. Что ж, в сложном делопроизводстве и не такое бывало!

Я был дежурным по выпуску газеты в ночь на 4 ноября 1942 года. Там была статья Александрова, который ведал тогда пропагандой и очень хорошо описывал наше положение. Прибыл из госпиталя комиссар и просил газету.

– Не вышла еще газета, не могу я Вам дать, не подписана, – Не дал я ему газету, говорю: – Приезжайте под утро. – Он разозлился и уехал. А потом утром, когда уже все было подписано, начали печатать, загудели самолеты, уже рассвело. Шанс, что будут стрелять в здание, где мы находились, был большой – это был райком партии – и здание такое, что нужно по нему ударить. Я своим соратникам сказал:

– Тревога, всем в щели! – А сам, как капитан, остался на корабле. Начали лаптежники Ю-87 палить. И так получилось, что мне от двух мест попало: одна из бомб попала прямым попаданием в наш дом, почти донизу пробило. Там на втором этаже редакционная газета была, редактора убило, всех убило. Может быть и меня бы настигло, но я высунулся

в окно и все наблюдал куда наши... И тут осыпало меня оттуда на излете маленькими осколочками. Один мелкий осколок повредил хрусталик, да еще и по голове меня ударило сверху – это уже от второй бомбы отвалился потолок. Когда меня привезли в госпиталь, слышу голос того капитана, кому рано утром газету не дал:

– Эх, а вот Вы мне газету пожалели! Не плюй в колодец! – Вот так он меня встретил, а потом к лучшему врачу направил. И еще, когда меня, окровавленного и ослепленного, доставили в госпиталь 62-й армии и санитары с носилками, на которых я лежал, остановились возле операционной, один полковник-танкист из палаты выздоравливающих спросил:

– Кто такой?

Я нашел в себе силы ответить:

– Моя фамилия вам ничего не скажет.

– Это политрук Верховлетов, – сказал мой сослуживец майор Князев, доставивший меня в госпиталь. Полковник-танкист оживился:

– Вы тот самый корреспондент, что прошагал от волжской переправы и до переднего края? Да еще и побывал в схватке? Читал, читал ваши письма «Рота идет на фронт». Читал и вашу статью о месте командира в бою. Дорогой доктор, – обратился полковник к вышедшему из операционной хирургу, – лечите этого парня как следует: очень нужный для армии человек.

Лечила меня очень опытный врач Петросян – у Филатова она была помощницей в Одессе. Сказала:

– Глаз видеть не будет, но мы попробуем сохранить форму глаза – Вы человек молодой.

Я незрячим около четырех месяцев пролежал в госпиталях, пока не вернулось зрение: врачи, делавшие чудеса в годы Отечественной войны, поставили на ноги и меня. Частично зрение вернулось, хотя правый глаз спасти не удалось. В феврале 1943 года, когда победно завершилась Сталинградская битва, закончились и мои госпитальные мытарства. А дальше после небольшой передышки снова в ратный путь.

«От Волги до Шпрее – дистанция гигантского размера. Так вот: весь этот путь Верховлетов проделал после того, как тяжелое ранение навсегда погасило его правый глаз.» (из вос-

поминаний фронтовых соратников).

Метельной февральской ночью 1943 года, сразу после выписки из госпиталя, я прибыл в Москву. На перроне вокзала задумался, куда мне идти? Мать с сестрой в эвакуации. В столице действует комендантский час, и хождение без пропусков запрещено. Но сохранившееся с довоенной поры корреспондентское удостоверение «Красного воина» помогло преодолеть все патрульные преграды, и я добрался до редакции «Красного воина», переселившейся в начале войны во Всеволожский переулок, где постоянно находилась типография окружной газеты. Но там были закрыты все двери и погашены огни. Пришлось отыскать в смежном с типографией дворе квартиру ответственного секретаря А. Белановского, принявшего меня дружески радушно.

"Красный воин" и на этот раз стал для меня родным домом. Дали мне штатную должность, разрешили ночевать на диване в отделе боевой подготовки, и я жил и трудился, не отходя, как говорится, от рабочего стола.

Газету тогда редактировал Я. Ушеренко, уехавший в начале 1944 года на фронт. Его сменил А. Шаверин, а затем В. Косолапов. В редакции в ту военную пору трудились Б. Лукьянов, Н. Перевалов, Б. Скорбин, А. Ясный, П. Венгерский, М. Строков, Г. Сущенко, писатель И. Арамилев (Зырянов) и наш славный ветеран фотокорреспондент А. Прохоров.

Старожилы редакции рассказывали, как суровой осенью 1941 года они выезжали на трамвае в части Московской зоны обороны и от конечной остановки добирались до передовой. Три выездные редакции находились на строительстве оборонительных рубежей.

Из стен "Красного воина" я трижды уходил на фронт. Впервые это было в декабре 1939 года, когда Погарский прихватил меня на Карельский перешеек. 22 июня 1941 года прямо с дежурства я отправился в действующую армию. И вот теперь, в разгар Курской битвы, красновоинцы тепло и сердечно проводили меня в редакцию газеты Воронежского фронта, переименованного вскоре в 1-й Украинский. Берлин и Прага стали итогом моего многотрудного фронтового пути.

Известный в журналистских кругах того времени

Л. Троскунов предложил мне работу в редакции газеты Воронежского фронта «За честь Родины», которую он только что принял под свое начало. И хотя военно-врачебная комиссия определила, что я годен лишь для службы в тылу и указала некоторые ограничения, я стремился вернуться в боевую обстановку и работать во фронтовой печати.

В разгар Курской битвы прибыл я на железнодорожную станцию Ржева. В населенном пункте, указанном в предписании, редакции уже не было. Войска непрерывно передвигались, и трудно было разобраться в этой быстро меняющейся обстановке. Помог «Господин Случай». Завидев танкиста, читавшего фронтовую газету «За честь Родины», я бросился к нему. Напечатанный в газете адрес редакции оказался туманным: «Полевая почта 48828-А». Танкист воскликнул:

– Эврика! Вспомнил! Перед началом «сабантуя» под Прохоровкой к нам приехал фронтовой корреспондент. Видел его на передовой. Наверное, и сейчас он здесь.

Я довольно быстро разыскал корреспондента. Им оказался совсем тогда молодой, улыбчивый и подвижный капитан, ныне полковник в отставке С. М. Борзунов. Он дружелюбно встретил меня, сообщил адрес редакции и разъяснил, как лучше до нее добраться.

Семен Михайлович охарактеризовал и боевую обстановку. Накануне ему удалось побывать на КНП командарма 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова. Борзунов стал единственным представителем печати и очевидцем самого крупного встречного танкового сражения Второй мировой войны. В сражении под Прохоровкой одновременно участвовало с обеих сторон 1200 танков и самоходных орудий.

Признаюсь, искренне я позавидовал Семену Михайловичу, ставшему автором уникального репортажа о беспримерном в истории войн танковом сражении.

Вместе с ним мы отправились на расположенное неподалеку легендарное поле под Прохоровкой. То, что увидел я там по свежим следам только что завершившегося сражения, потрясло меня. Зрелище невообразимое! Жаль, что фронтовая кинохроника не успела масштабно запечатлеть гигантское нагромождение разбитых и сожженных «тигров», «пантер» и «фердинандов»...

Что греха таить, были там и наши боевые машины. Видел вздыбленные и обгоревшие «тридцатьчетверки», дерзко таранившие вражеских «тигров». Словом, о многом говорило легендарное поле под Прохоровкой.

К вечеру я прибыл в редакцию. Полковник Л. И. Троскунов деловито поздоровался и сразу же дал задание:

– Утречком позавтракайте и отправляйтесь в четвертую гвардейскую армию, прибывшую к нам из резерва Ставки. Армией командует бывший маршал, ставший затем генералом, известный всем Кулик. Его войска спешат к Ахтырке. Там Противник нанес нам контрудар. Резервная армия должна помочь сражающимся войскам. Назначаю вас постоянным корреспондентом в эту армию. Вопросы будут?

Вопросов не последовало. Не осмотревшись, не успев познакомиться с коллективом, я отправился в армию Г. И. Кулика, которого скоро сменил генерал А. И. Зыгин.

Угодил, как говорится, в пекло боев. Трудился исправно, часто печатался. 22 сентября 1943 года получил от редактора депешу Он требовал телеграфом дать в газету материал об освобождении города воинской славы Полтавы, а потом немедленно возвращаться в редакцию, где ждут новые и срочные задания.

Оперативный дежурный по штабу армии дал дополнительные разъяснения. Теперь на полтавском направлении наступают только войска Степного фронта, а части Воронежского фронта устремились к Днепру и действуют на киевском направлении. Но приказ есть приказ, и я помчался к Полтаве. Всю ночь «проголосовал» на фронтовых дорогах, перескакивая с одной машины на другую и с тревогой поглядывая на освещенный заревом пожаров горизонт.

Под утро расстался с большаком и зашагал по проселку на своих двоих. У газетчиков, стоит заметить, ноги тренированные, выносливые и считаются безотказным средством передвижения. Меня не раз спрашивали, какими видами транспорта журналисты пользуются на войне? Я обычно отвечал: «Любыми! От У-2 до Му-2 включительно».

Самолет У-2, или, как его потом стали называть, По-2, всем известен; Му-2 – это пара волов, тянущая повозку по

непролазной грязи. В распутицу безотказные Му-2 нас не раз выручали. Репортерам приходилось садиться на коня, бегать на лыжах, переправляться через реки на плотках, понтонах и лодках, по льду и снегам на собачьих упряжках и т.д., и т.п. К. Симонов образно и точно сформулировал нерушимый закон журналистов:

«Жив ты или помер – главное, чтоб в номер материал успел ты передать», и я, верный нашему девизу, во весь опор мчался к Полтаве.

«Дело было под Полтавой.» Борзунов С.М.

Медленно, словно нехотя, занимался рассвет. Над рекой, поросшей осокой и камышом, курился туман. Стояла непривычная, тревожная тишина. Кругом ни души.

В это раннее утро в поселке появился моложавый, коренастый офицер в захлостанной росой, выдавшей вида шинели, прошел берегом, спустился к реке. Остановившись перед разрушенным мостом, озабоченно сдвинул брови, яростно задымил трубкой: «И здесь неудача!»

Корреспондент газеты воронежского фронта «За честь Родины» – старший лейтенант Александр Верхолётов, или просто Саша, как мы его звали, – получил по военному телеграфу приказ редактора «дать в номер информацию об освобождении Полтавы. Задержка недопустима».

Саша и без напоминания знал, что «задержка недопустима» и что никакие объективные причины во внимание приняты не будут. В штабе 4-й гвардейской армии, куда он был откомандирован из редакции, ему сказали, что части армии, отличившиеся под Ахтыркой и при форсировании Ворсклы, освободившие Сорочинцы, Диканьку и другие воспетые Гоголем места, наступать на Полтаву не будут. Им приказано лишь содействовать в мчавшейся операции.

– А вот наши соседи из Степного фронта, – добавил оперативный дежурный по штабу, – уже ворвались на окраины Полтавы, завязали уличные бои. Так что спешите туда...

Но как добраться до Полтавы, когда 4-я гвардейская армия идет стороной и весь транспорт устремился в другом направлении.

Всю ночь он «голосовал» на фронтовых дорогах, переходил с одной попутной машины на другую. Доехал почти до места. И вот река. Мост через нее взорван. Разрушена и соседняя переправа.

Недолго думая, Саша взял доску, положил ее на торчавшие из воды обгоревшие сваи и, балансируя руками, двинулся на противоположный берег. Доска предательски хрустнула, и Саша полетел в воду. Увязая в илистом дне, с трудом выбрался на крутой берег. Прислушался, огляделся. По-прежнему было тихо. От села, раскинувшегося недалеко по буграм, тянуло гарью.

Расстегнув кобуру пистолета и переложив из полевой сумки в карман шинели гранату, Саша вылил воду из сапог, перемотал портянки. Снова тронулся в путь. Тревожила неизвестность обстановки, но ждать было нельзя.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как вдруг в камышах поймы услышал какой-то шорох.

Верхолетов положил руку на кобуру. Из камышей осторожно высунулась вихрастая мальчишечья голова.

– Ты, дяденька, наш, советский? – спросил хлопчик.

– Советский... – Саша поманил мальчугана: – Иди ко мне, не бойся!

– А фашисты и полицаи утекли? – настороженно озираясь, спросил парнишка, – Они не вернуться?

Верхолетов не успел ответить, камыши внезапно ожили, скрывавшиеся там от гитлеровцев жители окрестных сел бросились к нему. Девушки и женщины обнимали и целовали немного растерявшегося от неожиданности Сашу, слезы радости текли по их лицам. Торопливо, наперебой они рассказали об ужасах минувшей ночи, о том, как фашисты-факельщики поджигали дома, как эсэсовцы угоняли людей в неметчину, а тех, кто не повиновался, расстреливали. Какой-нибудь час назад по берегам реки рыскали полицаи и наугад строчили по камышам из автоматов.

Люди спешили в свое село. Но Саше нельзя было задерживаться, и он пошагал дальше.

И вот она, Полтава. Саша побеседовал с солдатами и командирами, с жителями города, побывал на знаменитом поле Полтавской битвы, постоял перед древней колонной «Славы», на которой полыхал красный флаг, водруженный советским воином-героем.

Когда корреспондентский блокнот был заполнен от корки до корки, Саша вернулся а штаб армии и передал по телеграфу оперативную информацию об освобожденной Полтаве. Задание было выполнено, он знал, что его материал редакция получит вовремя, и он будет напечатан в ближайшем номере.

Возвращался Верхолетов прежним путем. Вошел в знакомое село. С пригорка посмотрел на речку, где он принял холодный «душ», и увидел сверкающий на солнце новый добротный мост. Возле него еще продолжали хлопотать саперы.

Оказывается, в селе уже расположились наши воинские части, оно было запружено машинами, подводами. В хатах весело задымили печные трубы, засновали, громыхая ведрами, девчата.

Саша спустился с пригорка, вошел а село. Ему казалось, что никто его здесь не замечает. Но вот тот же вихрастый хлопчик крикнул:

– Цей дядька до нас перишим прийшов!

И вдруг со всех сторон набежали люди, окружили Верхолетова, наперебой приглашали в хаты.

Саша позволил себе небольшой отдых. Провожали его всем селом: старики, девчата, бывалые воины-фронтовики. Они с уважением смотрели ему вслед, так и не зная, наверно, что он представитель скромной и, может быть, не очень героической профессии – военный корреспондент.

На перекладных я к вечеру добрался до Грабиловки, расположенной неподалеку от Броваров, на подступах к Днепру. Туда переместилась и редакция фронтовой газеты «За честь Родины». Редактор и на этот раз был деловито сдержан и суховат. Он спросил, готов ли мой материал об освобождении Полтавы, и с ходу дал новое задание:

– Утречком с пачкой газет отправляйтесь за Днепр, на Буринский плацдарм. Наш Борзунов не только там с первым десантом побывал, а и написал о героях Днепра, был принят командующим войсками фронта генералом армии Ватутиным и завтра с приветствием Военного совета вторично отправится за Днепр.

На следующее утро вместе с фотокорреспондентом В. Юдиным мы выехали на задание. Поскольку мост только начинали строить, а табельные переправочные средства не прибыли, мы форсировали Днепр на плоту, наспех изготовленном из

бревен и досок. На простреливаемом «пяточке» нам неожиданно встретился экипаж «тридцатьчетверки». Инициативные танкисты не стали ждать прибытия понтонного парка и сборки перевозных паромов, а ночью с определенным риском переправили свою боевую машину на плоскодонном плавучем сооружении, непонятно как выдержавшем тяжелый груз.

Когда мы подошли к танку, завыл шестиствольный немецкий миномет. Пришлось нырнуть в окопчик, вырытый под боевой машиной. Слышно было, как по броне забарабанили осколки мин. Потом выяснилось, что неосмотрительно оставленный на машине котелок с родниковой водой был буквально изрешечен. Под заунывный аккомпанемент вражеского шестиствольного миномета мы взяли интервью у танкистов. Затем броском, а то и ползком перебирались из одного окопа в другой, беседуя с героями Днепра и раздавая им газеты и памятки.

Анализируя деятельность фронтовой редакции во время битвы за Днепр, невольно приходишь к мысли, что военная печать не только усиливала наступательный порыв войск, но и по крупицам собирала выстраданный фронтовиками опыт форсирования водных преград.

Роль печати на войне хорошо понимал командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин. Руководя наступлением войск на стратегически главном Киевском направлении, он, предельно занятый оперативными делами, считал нужным принять нашего корреспондента С.М. Борзунова, заслушать его информацию о форсировании Днепра первым десантом, в котором участвовал и журналист.

Выразив благодарность первым героям Днепра и скрепив своей подписью обращение Военного совета к войскам, командующий предложил фронтовой редакции опубликовать этот документ и сразу же доставить газеты на заднепровские плацдармы.

В октябре 1943 года битва на Днестре достигла наивысшего накала. Поскольку южнее Киева оперативная внезапность была утрачена, Ставка приказала перенести основные усилия на Лютежский плацдарм, расположенный севернее столицы Украины. В сложнейших условиях осенней распутицы была осуществлена крупная перегруппировка наших войск, переброшенных

из Букрина на Лютеж.

Газетчики разрывались буквально на части, стремясь быть и в соединениях 38-й армии генерала К.С. Москаленко, и у танкистов генерала П.С. Рыбалко, и у конников генерала В.К. Баранова. С фотокором В. Юдиным навестили мы и 1-ю чехословацкую отдельную бригаду полковника Л. Свободы, принимавшую участие в боях за Киев, а также ближайшие аэродромы 2-й воздушной армии генерала С.А. Красовского.

Вместе с Владимиром Павловичем Юдиным, спешившим найти в Киеве свою семью, застрявшую в немецкой оккупации, мы одними из первых вступили в пустой и разрушенный Крещатик. Мастер объектива запечатлел «лейкой» редкостные документальные кадры.

Мы были свидетелями и того, как освобожденные 6 ноября от фашистов киевляне восторженно встречали наши войска, своих освободителей, нашу героическую армию. В большой статье С. Борзунова «Boи за Киев» и других материалах, напечатанных 8 ноября в газете «За честь Родины», рассказывалось о том, как Киев был полностью избавлен от фашистской нечисти. В тот же день 3-я гвардейская танковая армия генерала П.С. Рыбалко овладела Васильковом, крупным узлом железных дорог и опорным пунктом противника Фастовом. Особо отличилась в этих боях 91-я Отдельная танковая бригада полковника И.И. Якубовского, ставшего впоследствии дважды Героем Советского Союза, маршалом и первым заместителем министра обороны СССР. А в те дни, в Фастове, Иван Игнатьевич встретил меня приветливо, как старого знакомого. В конце 1941 года я, тогда корреспондент редакции газеты Южного фронта первого формирования «Во славу Родины», прибыл в танковый полк, которым командовал И.И. Якубовский и невольно стал свидетелем как Иван Игнатьевич волновался и не скрывал тревоги, ожидая возвращения экипажа, участвовавшего в разведке боем. Прорвавшись в расположение врага, наш танк оказался поврежденным и, отражая наседавших гитлеровцев, устранял повреждения, готовясь выбраться к своим.

Но вот показался пропавший танк. Он двигался медленно, неуверенно, словно спотыкаясь. Из поврежденной машины выбрался молодой командир и попросил врачебную помощь. На

танке виднелись вмятины, и был поврежден люк механика-водителя. Как пояснил командир экипажа, вражеский снаряд рикошетом ударивший по люку не только ранил механика-водителя, но брызнувшими окалинами ослепил его глаза. Тяжело раненый танкист не покинул машины, остался в боевом строю. Командир подсказывал ослепшему механику-водителю путь, ориентировал раненого, подавал ему команды, советы и распоряжения. На всем протяжении пути раненый механик вел боевую машину вслепую. Став свидетелем такого необычного подвига, я с поля боя послал в редакцию срочное сообщение. И вот два года спустя, в освобожденном Фастове, полковник И.И. Якубовский поведал мне о судьбе моей небольшой информации о танкисте, упомянутом в ней.

– Заметку, написанную оперативно и достоверно по горячим следам боя, – сказал Иван Игнатьевич, – прочитали и наверху. Скажу больше. Несколько убедительных фраз из твоей заметки были вписаны в наградной лист. В итоге тяжело раненый механик-водитель стал Героем Советского Союза.

Полковник И.И. Якубовский заметил, что военная печать помогала и способствовала мощному подъему героизма наших воинов, форсированию Днепра с ходу, освобождению Киева и других городов Украины.

В мае 1944 года командующим войсками 1-го Украинского фронта был назначен маршал И.С. Конев и находился на этом посту до победных дней. Незадолго до начала Львовско-Сандомирской операции он созвал совещание руководящего состава, пригласив и отв. редактора фронтовой газеты «За честь Родины» полковника С.И. Жукова. Закрывая совещание, маршал сказал:

– Не забывайте и про наше особое оружие – командирское слово и про нашу печать. Я специально вызвал сюда редактора. Откровенно скажите ему, что нужно армии, нашим войскам. Какие вопросы надо осветить во фронтовой газете, какие темы интересуют вас и наших скромных рядовых героев.

Редактор даже не ожидал такого повышенного внимания. Командармы буквально взяли его в окружение. Командующий 2-й воздушной армией генерал С.А. Красовский был краток:

– Посылай газетных орлов к соколам из 9-й гвардейской

истребительной авиадивизии. Там лучшие в мире асы. Не знаешь, что такое «ас»? Это в своем роде туз. Причем туз козырной и несокрушимый!.. Мне выпала честь многократно бывать в этом прославленном соединении, отличившемся в 1943 году в воздушном сражении на Кубани. Более полутора тысяч были награждены орденами и медалями. 46 летчиков гвардейской дивизии стали Героями Советского Союза. Второй Золотой Звездой Героя Родина отметила Д. Б. Глинку, А.Ф. Клубова и Г.А. Речкалова.

В июле 1944 года эту дивизию возглавил полковник А. И. Покрышкин, уникальный летчик, создавший много новых эффективных приемов в тактике воздушного боя. Он совершил более 600 боевых вылетов и в 156 воздушных боях лично сбил 59 самолетов противника. В августе 1944 года редакционная стенографистка М.В. Архангельская приняла в полночный час радиосообщение о том, что гвардии полковник, впоследствии маршал авиации А.И. Покрышкин стал первым в стране трижды Героем Советского Союза.

Была немедленно переверстана первая полоса газеты. Ее открывал Указ Президиума Верховного Совета о награждении Александра Ивановича Покрышкина третьей медалью «Золотая Звезда». Крупно дали в газете портрет трижды Героя, опубликовали краткие сведения о боевых делах отважного летчика.

Учитывая, что я часто бывал в соединении, которым командовал А.И. Покрышкин, редактор направил туда меня. Вместе со мной к авиаторам выехали известный украинский поэт Андрей Малышко и мастер объектива Ольга Игнатович. Сердечно поздравив первого аса страны, мы вручили трижды Герою газеты с его портретом и Указом Президиума Верховного Совета. В соединении мы особо доставили несколько пачек свежих газет, обеспечив прессой личный состав дивизии.

И хотя летчики не очень любят фотографироваться, Ольга Игнатович запечатлела на пленку не только Александра Ивановича, но и его боевых соратников – дважды Героев Советского Союза Г.А. Речкалова, Д.Б. Глинку, А.Ф. Клубова и боевого «щита» Покрышкина, его постоянного ведомого – летчика Г. Голубева.

Вместе с Андреем Малышко мы по-газетному оперативно написали очерк «Хозяин неба – Александр Покрышкин», опубликовав его во фронтовой газете «За честь Родины». Он вошел

затем в двухтомный сборник АПН «От Советского информбюро. Публицистика и очерки военных лет 1941 – 1945». Сборник дважды переиздавался, а наше произведение занесли в Интернет.

Мое содружество с автором «Рушника» и других лирических стихов и песен А.С. Малышко продолжалось. По совету командующего 1-й гвардейской армии генерала А.А. Гречко, впоследствии Маршала и Министра обороны, мы с Андреем Самойловичем написали документальную повесть о партизанах и героях грицевского подполья, активно помогавших этой армии и другим нашим объединениям.

Стоит заметить, что Андрей Самойлович первоначально писал по-украински, затем он переводил сам себя на русский язык. Труд был немалый. Документальная повесть печаталась во фронтовой газете «За честь Родины» с продолжением. Бойцам нравилась повесть, они с нетерпением ждали появления новых глав, но события на фронте диктовали более оперативные формы газетной деятельности.

13 июля 1944 года началась Львовско-Сандомирская операция, отличавшаяся пространственным размахом, крупномасштабными целями и задачами.

Нам, газетчикам, довелось быть свидетелями того, как необычно входили в прорыв танкисты генерала П.С. Рыбалко, с каким большим риском и отвагой завоевывалась победа. В районе Колтова нашим пехотинцам удалось пробить во вражеской обороне небольшую брешь, которая не превышала 4 – 6 километров по фронту. В авторитетных рекомендациях было сказано, что танковую армию можно вводить в прорыв лишь тогда, когда коридор, пробитый в неприятельской обороне, достигает 10 – 14 км по фронту. Ждать, пока расширится брешь, значит терять время, утратить темп наступления, дать противнику возможность подтянуть на участок прорыва свои резервы и еще более осложнить положение. С поддержкой Маршала Конева танкисты Рыбалко пошли на риск и двинулись по простреливаемой и размытой грозowymi ливнями дороге, сметая на пути вражеские заслоны и засады. Это был героический и поистине массовый подвиг, а необычный доселе ввод 3-й гвардейской, затем 4-й танковых армий в Колтовский коридор вписан золотой страницей в историю оперативного искусства.

В ходе Львовско-Сандомирской операции наши войска несли освобождение западным областям Украины и юго-восточным районам Польши. В связи с этим обстоятельством изменился и характер служебных заданий. Редактор поручил мне и журналисту А. Шарову совместно подготовить для газеты серию писем о выполнении нашими воинами благородной освободительной миссии за рубежами нашей Родины и возрождении жизни на польской земле.

Вспоминая о том, как наши танкисты под Львовом узкой кишкой пробирались по 4 – 6-километровому Колтовскому коридору, маршал И.С. Конев в своих мемуарах «Сорок пятый» остроумно отмечал, что в Висло-Одерской операции перед нашими подвижными войсками «открылись ворота – хоть на тройке въезжай!».

Став очевидцами мощных ударов «бога войны» и двойного огневого вала, прокладывавшего путь атакующим, мы с майором Ф. Орешкиным так и озаглавили свой газетный отчет: «Артиллерийское наступление».

Вскоре нам выпала честь первыми дать в печать короткое и срочное сообщение, которого ждала вся страна, а может быть и весь мир. Репортаж начинался так: «Развивая стремительное наступление, наши войска достигли германской границы. В 20.00 Герой Советского Союза Пароваткин скомандовал артиллеристам: – По логову фашистского зверя – огонь!..» Репортаж был опубликован во фронтовой газете «За честь Родины» вместе с приказом Верховного Главнокомандующего, посвященным этому выдающемуся событию. В приказе и в нашем отчете упоминался и герой Сталинградской битвы генерал А.И. Родимцев, войска которого в числе первых вступили в фашистское логово.

16 апреля 1945 года началась Берлинская операция. Я заблаговременно прибыл в нашу ударную группировку и направился в 4-й гвардейский стрелковый корпус, которым командовал генерал Г.В. Бакланов, неоднократно отмеченный в приказах Верховного Главнокомандующего. Глеб Васильевич был в известной мере моим однополчанином. Во второй половине тридцатых годов прошлого столетия я служил в 1-м стрелковом полку, переименованном затем в 6-й, в Московской Пролетарской дивизии, ставшей позднее Пролетарской Московско-Мин-

ской гвардейской стрелковой дивизией. Начальником штаба того полка был тогда капитан Г.В. Бакланов, а я выпускал там многотиражную газету «За боевую подготовку».

В 6 часов 15 минут утра 16 апреля 1945 года началась длительная и мощная артиллерийская подготовка на нашем фронте. Наблюдая за противником, саперы обнаружили в стане врага не эвакуированные еще в тыл переправочные средства. Под прикрытием артогня смельчаки переправились на противоположный берег, разогнали охрану и захватили это трофейное имущество. Не теряя времени, саперы принялись готовить из него штурмовой мостик.

Тем временем в небе появилась наша авиация. Над Нейсе на бреющем полете пронеслись штурмовики, оставляя за собой бесконечно длинный шлейф густого и плотного дыма. Как потом стало известно, штурмовиков возглавлял Герой Советского Союза М.И. Степанов. Авиаторы совместно с саперами и другими специалистами развернули на широком фронте гигантскую дымовую завесу. В истории войн такого еще не бывало!

Невиданная по своим масштабам дымовая завеса ошеломила гитлеровцев, лишила их возможности вести наблюдение и определить, где развернуты наши основные переправы, чтобы подвергнуть их обстрелу и бомбометанию. Это спасло многие солдатские жизни.

Когда наша артиллерия перенесла огневой вал в глубину вражеской обороны, началось форсирование Нейсе. Первыми по наведенному из трофейного материала штурмовому мостику устремились на противоположный берег пехотинцы из 15-й гвардейской стрелковой дивизии, знакомой мне еще по советско-финляндской войне 1939 – 1940 годов.

Здесь, у Нейсе, генерал Г.В. Бакланов наградил орденом Славы двадцать два солдата и сержанта, проложивших через реку первый штурмовой мостик.

Форсировав Шпрее, 4-я гвардейская танковая армия, к которой я был прикомандирован, круто повернула на Потсдам. Важные события происходили ежедневно и ежечасно. У газетчиков работы было невпроворот. Но получил от редактора телеграмму: «Переключитесь на хозяйство, нацеленное на главный объект. Жду информации о большом историческом событии».

Без промедления выехал в 3-ю гвардейскую танковую армию генерала П.С. Рыбалко, овладевшую Цоссеном, где находился немецкий генштаб. Теперь наши танкисты, не снижая темпа, решительно приближались к Берлину.

Это нас подстегивало, и мы мчались во весь опор. На большой скорости влетели в городок, расположенный вблизи Цоссена. Центральная площадь населенного пункта была заполнена местными жителями, растаскивавшими продовольствие из магазинов и дворовых складов.

Решив уточнить, где мы находимся, приказал водителю остановиться возле толпы и вышел из машины с картой в руке. Произошло невообразимое. Люди в ужасе шарахнулись от меня и дико завопили:

– Рус! Рус!

Все бросились бежать, некоторые спотыкались, падали, и снова бежали. Площадь мгновенно опустела...

Это ошарашило нас. Мы поняли, что сюда еще не ступала нога солдата-победителя. Влетев на «виллисе» в перепуганный крупным наступлением наших войск городок, мы невольно осуществили своеобразную «психическую атаку», заставив дрогнуть и бежать не только обывателей, но и вооруженную охрану небольшого концлагеря, расположенного на окраине города.

Об этом нам поведал прибывший из концлагеря русский летчик, недавно сбитый под Берлином. Он оказался страшно худым, изможденным и больным. Гитлеровцы не успели переодеть его в полосатую лагерную робу. Летчик пришел к нам в порванном комбинезоне, из-под которого проглядывали остатки военной формы.

Узнав о печальной судьбе освобожденных нами голодных узников, я предложил капитану Н. Наумову отправиться с переводчицей в пекарню, узнать, где хранится мука, и наладить выпечку хлеба для бывших заключенных.

В то время как Наумов решал продовольственную проблему, мы занялись оборонительными мероприятиями. У нас, газетчиков, составивших экипаж «виллиса», имелось кое-какое оружие. Лагерники тоже раздобыли несколько автоматов и карабинов, брошенных разбежавшейся стражей.

Ночью мы не спали и были в повышенной боеготов-

ности. Невольно вспоминались герои очерков, побывавшие в сходном с нами положении. Такие произведения обычно завершались традиционной фразой: «и удерживали занятый город до подхода наших главных сил». Мысленно представлял, что мы, газетчики, передадим городок военному коменданту по официальному акту «город сдал, город принял».

Быстро пролетела короткая апрельская ночь, заиграла весенняя зорька, а ожидаемые главные силы так и не появились. Это невольно тревожило нас.

Но вот поблизости громыхнул снаряд, и на основной улице городка появилась самоходка. Мы двинулись ей навстречу. Из люка боевой машины высунулся старшина с перевязанной головой. Не скрывая изумления, он выкрикнул:

– Откуда взялись? Вы от Лелюшенко или от Рыбалко? Кто занял город?

Услышав, что мы, корреспонденты фронтовой газеты, нечаянно захватили с налета город и удерживали его всю ночь, командир самоходки помрачнел, по-моему, даже плюнул, употребив не очень дипломатичное выражение. Потом он с тоской произнес:

– И какая нелегкая привела вас сюда? Что я доложу по рации командиру?

Николай Наумов шутливо пояснил, что репортерам не впервой занимать различные города и селения. Свое высказывание он подкрепил строфой из «Корреспондентской застольной» К. Симонова:

...Но на «эмке» драной,

И с одним наганом

Мы первыми въезжали в города.

– Песню в донесение не вставишь, – философски заключил старшина, возглавлявший разведдозор. – А про встречу с вами, газетчиками, даже докладывать не буду.

Вслед за самоходкой и под ее прикрытием мы продолжили путь. И вот она, столица Германии. На щите по-немецки написано: «Берлин».

– Щелкни нас «лейкой», – дружески обратился я к кинооператору С. Шемахову, выехавшему вместе с нами. – Событие,

можно сказать, историческое.

Н. Наумов, П. Ковтун и автор этих строк встали возле щита у въезда в Берлин, приняв надлежащие позы. Едва Шемахов успел щелкнуть «лейкой», как возле нас взвизгнули вражки пули. Пришлось впрыгнуть в машину, и водитель Ковтун, не растерявшись, дал задний ход. И все же на крыле «виллиса» появились две пробоины.

Возле Тельтов-канала, где проходил передний край и где нас обстреляли, повстречали мы нашего боевого соратника и однополчанина по фронтовой редакции С.М. Борзунова. Вместе с передовым отрядом танкистов Рыбалко, точнее с 53-й бригадой полковника В.С. Архипова, он в числе первых вступил в Берлин. Семен Михайлович был переполнен впечатлениями об этом выдающемся событии. Мы тоже стали очевидцами ярких боевых эпизодов.

Поскольку у нас была машина, а редакция с нетерпением ждала оперативные материалы о штурме столицы Германии, мы решили с Борзуновым объединить наши усилия и дать в газете совместную информацию, доставив в редакцию все накопившиеся в наших полевых сумках корреспонденции, фотоокна и очерки.

Возвращение в редакцию оказалось трудным. Многие мосты были разрушены, а на переправах то и дело создавались заторы. Приходилось пробиваться объездными путями, двигаться по бездорожью, пренебрегая зловещими надписями о минировании местности.

Лишь под утро я добрался до редакции. Полиграфисты объявили, что я опоздал и полосы сверстаны. Но редактор был иного мнения. Он распорядился снять с первой полосы какой-то небольшой материал и поставить под Приказ Верховного Главнокомандующего экстренную информацию из Берлина, подписанную майорами С. Борзуновым и А. Верхолетовым.

Пришлось более чем наполовину сократить нашу информацию. Но и оставшиеся строки звучали как величавый Гимн нашей державе и Вооруженным Силам, вдохновенно возвещая, что войска 1-го Украинского фронта ворвались с юга в столицу Германии – Берлин!

Могучая сила строк заключалась вовсе не в том, что эти строки писали мы, а в геройстве, ратных трудах и подвигах, беззаветной отваге солдат, командиров и полководцев – главных

творцов нашей Великой Победы!

Те легендарные дни убедительно подтвердили, что газеты живут не одним только днем. Многие экстренные сообщения, репортажи, газетные номера хранятся вечно. Недаром скромных тружеников печати и деятелей других средств массовой информации именуют летописцами героической истории России!

Предполагалось, что Пражская операция начнется 7 мая 1945 года. Но 5 мая в столице Чехословакии вспыхнуло восстание. По радио было передано Обращение к советским и союзническим войскам о скорейшей помощи восставшим. Стало известно, что фашистские войска с трех сторон двинулись к Праге, готовые потопить в крови свободолюбивые народы Чехословакии.

Досрочно начав операцию, 6 мая 1945 года войска 1-го Украинского фронта устремились на помощь восставшим. В завершающей Пражской операции также приняли участие войска 2-го и 4-го Украинских фронтов.

Высокие темпы наступления были главной отличительной чертой операции. Маршал Конев образно сказал, что нам надо не просто преодолеть Родные горы и Судеты, а в буквальном смысле слова чуть ли не перелететь через них!

Боевые машины, автотранспорт и арттягачи были обеспечены горючим вплоть до Праги. Если из-за неисправности застревала на дороге автомашина, ее без промедления сбрасывали в пропасть, открывая путь безостановочному движению частей и подразделений.

Не ввязываясь в затяжные бои за небольшие города, обходя опорные пункты противника, наши танкисты продолжали развивать наступление. Прага встретила нас всенародным ликованием. Улицы и площади были заполнены местными жителями и вооруженными повстанцами. Пражане обнимали нас, целовали, забрасывали машины воинов цветами. В центре столицы Чехословакии встретили прилетевшего на самолете Бориса Полевого и фотокорреспондента «Фронтовой иллюстрации» Анатолия Егорова. С мастером объектива мы вспомнили и первый день войны, когда я, дежурный по редакции газеты МВО «Красный воин», включал ветерана-добровольца в штат формируемой редакции газеты Южного фронта, вспомнили мы и Сталинградскую бит-

ву, когда Анатолий Васильевич грузил меня, тяжело раненого, в спецмашину и отправлял в госпиталь. Встреча с ветераном-однополчанином 9 мая в Праге, воспоминания о первом дне войны и тяжелых боях на Волге были в некотором роде символичными.

Последний день войны

(из интервью для телевидения к 60-й годовщине Победы)

В этот день я был в Праге, уже собрал материал об освобождении Праги и завершении войны и должен был ехать в сторону Дрездена. Основная магистраль, которая вела в Прагу, сплошь была забита нашими танками – все шло сюда, в Прагу.

Уже была объявлена капитуляция, и на всех фронтах немцы подчинились капитуляции. На всех, кроме I Украинского фронта, где я воевал, здесь генерал-фельдмаршал Шернер не подчинился капитуляции и сказал, что будет сражаться до последнего, будет пробиваться к американцам.

На редакционной машине вместе со всеми собранными материалами мы мчались по небольшой лесной дороге, чтобы их срочно опубликовать. Вдруг я увидел, что навстречу едет велосипедист. И мимо – чуть самих не сшибли – мчится автомашина, что-то вроде броневичка. Она, на полном ходу, свалила этого солдатика (сержанта, как потом оказалось) в кювет.

– Ну что? – говорит мой шофер.

– Как что, давай подберем. День Победы, последний день войны, а человек по-дурацки погиб.

Вышел я из машины, а он глубоко в кювете. Тут кто-то похлопал меня по плечу. Я отмахнулся и вдруг услышал:

– *Hande hoch, майор*. Оглянулся – стоит рослый породистый немец с рыцарским орденом, во всем своем блеске. А из кустов высыпала еще куча немцев со всех сторон, а дальше – с обеих сторон торчат пушки.

Понял, что они из шернеровских группировок. Ну что ж, знаю, что они не подчиняются, знаю, что для всех война закончилась, а для них – нет. Знаю, что уже все, осталось только выступление Сталина. А тут так по-глупому погибать. Я спросил его:

– *Warum* (почему), *hande hoch, warum?* – Больше у меня знаний не было. Но он мне не ответил «почему». А я тут как-то

автоматически на этого лежащего солдатика показал: – *Bitte (прошу), her Ober!*

Он на меня иронически взглядел, а потом вынул из кармана свисток, свистнул. Бежит такой низенький, пузатенький, наверное, фельдшер, а на животе у него висит такая здоровенная сумка с красным крестом. Прибежал он, начал разговаривать, что-то спрашивать.

Тут, Слава Богу, к офицеру подбежал кто-то, и что-то говорит, после чего этот самый оберст ушел, остался переводчик. А тут вдруг я узнаю, что переводчик, который великолепно говорит по-русски, чуть ли не мой земляк. Он из репрессированных немцев Поволжья, а я родился и жил в городе Вольске. Смекнул я быстро что делать надо: изложил ему про Вольск, про Поволжье. Он в ответ:

– Вольск, а-а... – Вспомнил он, что родители ездили на базар к нам, какие-то еще знакомые места вспомнил. Я его, как говорится, немножко подготовил. А потом сказал ему:

– Если уж переводить, то переводить точно – все, что я говорю, и поумнее. Все. Пойми – война-то ведь кончилась – что же мне погибать? А этот-то, раненый, за что страдать будет? Я ведь хотел его в госпиталь доставить

Тут возвращается оберст:

– Ну-с, что с тобой делать будем, как с тобой поступать, майор? – А я говорю:

– По-рыцарски, Герр обер, по-рыцарски, – и видимо это отчасти на него подействовало. Я его похвалил, сказал: – Спасибо, что помощь оказали – это благородно. По-рыцарски, – И на этом частично сыграл. Он было начал:

– И вообще, ты – непонятный русский, хитрый. Но меня не проведешь, – потом его опять отзывают, и я ему продолжаю говорить:

– У Вас нет врачей, а раненому опытный хирург нужен, его нужно в Дрезден доставить. И раз уж проявили благородство – благородство нужно проявлять до конца.

После слов переводчика оберст молча сидел, размышляя, видимо, о нашей и своей судьбе, которая уже была предначертана. Потом быстро встал и потряс рукой, привлекая наше внимание, а затем, не сказав ни единого слова, сделал

энергичный жест, дав понять, что мы можем катиться куда угодно.

Симпатизировавший нам переводчик объявил, это господин полковник освобождает русских, дав им возможность доставить тяжело раненого в стационарный госпиталь. Господин полковник уверен, что русские по достоинству воспримут его решение и всегда будут честно и уважительно относиться к Германии и всем немцам.

И хотя оберст, следуя приказам генерал-фельдмаршала Шернера, не признавал факта безоговорочной капитуляции и с танковым полком пробивался на Запад, его решение было продиктовано объективной непреложностью нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Когда мы попали в эту засаду, нас не разоружили, не обыскивали, не допрашивали и, к счастью, не узнали, что мы военные журналисты. Мы потом благодарили судьбу, что расстались в Дрездене с трофейной автомашиной. Если бы пожаловали к оберсту на великолепном "Опель-адмирале", решение немецкого полковника наверняка было бы иным. Наша судьба была бы охарактеризована традиционной фразой: "Пропали без вести".

Получив желанную свободу, мои спутники без промедления перенесли раненого в "Виллис". Капитан Н.Наумов шепнул шоферу:

– Мчи, Петро, во весь опор, пока оберст не передумал. А то и вслед пальнут!

– Подражать перепуганным зайцам, не будем, – поправил я Наумова, – Отъезжай, Ковтун, спокойно, нормально, с достоинством. – Покидая места краткого и странного заточения, я крикнул с машин: – Ауфвидерзеен, герр оберст!

Немецкий полковник хмуро глянул на нас и мрачно ответил:

– Прощайте!..

Мы хорошо понимали, что положение оберста и его полка безнадежное. Штаб группы немецких армий "Центр" был уже разгромлен, а сам генерал-фельдмаршал Шернер, отдавший приказ не выполнять требований капитуляции и сражаться до последнего, утратил возможность управлять своими войсками. Переодевшись в гражданскую одежду, он бежал в горы.

Пережив основательную встряску, мы с запозданием добрались до Дрездена и с немалым огорчением узнали, что наш фронтовой госпиталь еще не развернулся. Но помещение будущего госпиталя при нас осматривал главный хирург фронта генерал-лейтенант медицинской службы М. Н. Ахутин. Выслушав наш торопливый рассказ о пережитых злоключениях и попавшем в День Победы под колеса грузовика сержанте, Михаил Никифорович сочувственно отнесся к нашей просьбе и сказал, что распорядится сделать такую операцию немецкому хирургу из Дрездена, но под наблюдением нашего врача.

К медикам пришлось приставить капитана Н.Наумова, способного растормошить кого угодно и добиться желаемого результата. Сам же я поехал в пригородный Радебейль, куда должна была передислоцироваться редакция фронтовой газеты «За честь Родины». Там я нашел заместителя начальника издательства С. Шварцера и начальника отдела боевой подготовки Ф.Орешкина. Не пожелав даже глянуть на выделенное квартирмейстером наше временное жилье, я сел за стол и в невероятной спешке начал писать строки о завершающем событии Отечественной войны – освобождении Праги.

События мелькали с нарастающей силой. В те минуты, когда я сдавал в печать материал о Праге, Ю.Левитан вдохновенно читал Приказ Верховного Главнокомандующего о том, что Великая Отечественная война победоносно завершена и Германия полностью разгромлена.

А затем радиоволны донесли до нас, находившихся на древней саксонской земле, могучий грохот тысячи орудий, салютовавших победителям. Столичные залпы слились с неистовой пальбой героев-фронтовиков из всех видов отечественного и трофейного оружия. Радостное ликование долго не утихло. На рассвете вернулся из госпиталя капитан Н.Наумов и кратко сказал нам:

– Сержант будет жить!

На Руси про воинов говорили: «И пуля его не берет, и в огне не горит, и в воде не тонет». Защита Родины, правое дело дают силы, силы богатырские, которые помогли победить нашему Великому народу в этой тяжелой и трудной войне – войне за защиту Отечества.

Война закончилась. Трудовые будни журналиста.

Вскоре редакции фронтовой газеты «За честь Родины» и ее национальным филиалам пришлось повторить марш-маневр наших танкистов и на изношенном автотранспорте совершить дальний переход через Рудные горы и Прагу на берега голубого Дуная, где расположена столица Австрии – Вена.

Прибыли мы туда уже в ином качестве. На основе 1-го Украинского фронта была образована Центральная группа войск. Маршал И.С. Конев стал главнокомандующим этой группы и Верховным комиссаром по Австрии.

Фронтовая газета «За честь Родины» превратилась в мае 1945 года в орган Центральной группы войск. Она увеличилась в объеме и печаталась на восьми полосах. С.М. Борзунов, считавшийся у нас «королем» фронтовых новостей, стал начальником отдела Войсковой и Союзной информации, а мне поручили возглавить отдел культуры и быта.

Решив оживить деятельность отдела культуры, мы объявили конкурс на лучший рассказ. Порою в шутку говорят, что всякая инициатива наказуема. Уйму непредвиденных забот взвалила на нас и конкурсная инициатива. Чуть ли не ежедневно в отдел культуры приносили мешок, набитый рукописями авторов. Не скрою, имелись беспомощные творения графоманов, недостаточно грамотных людей. Но попадались и жемчужные зерна. Мы с удовольствием печатали на «Конкурсной странице» наиболее удачные произведения и наградили литературными премиями достойных.

В Вене редакция разместилась неплохо. Наша газета печаталась в типографии австрийского издательства «Глобус», расположенного на улице Фляйшмаркт. Неподалеку находился и наш Дом офицеров, размещенный в старинном Дворце Франца Иосифа и ставший важным очагом культуры за рубежом.

Начальником Дома офицеров был назначен подполковник Е.И. Востоков. Он, искусствовед по образованию, перед войной трудился в знаменитом Эрмитаже в городе на Неве, а в годы Великой Отечественной войны был корреспондентом газеты

13-й армии. Мы не раз бывали с ним вместе на передовой. Евгений Иванович принимал участие в поисках исчезнувшей Дрезденской картинной галереи, обеспечивая доставку из штольни найденных сокровищ.

Став начальником отдела культуры редакции газеты «За честь Родины», я часто бывал по долгу службы в Доме офицеров. Уже в 1945 году здесь, на сцене Дома офицеров, дебютировал коллектив художественной самодеятельности, поставив спектакль по произведению К.Симонова «Парень из нашего города».

Во Дворце Франца Иосифа с триумфальным успехом выступал и Государственный русский хор под руководством А.В.Свешникова. Ансамбль народного танца Игоря Моисеева, а также блистательные "звезды" Большого театра Галина Уланова, Наталья Шпиллер, Алексей Иванов и другие. Им аплодировала и вся театральная Вена.

В 1945 году решением правительства были освобождены от военной службы и от работы в редакциях бывших фронтовых газет и радиостудий известные писатели и поэты. Находясь за рубежом, мы торжественно проводили на Родину поэтов Андрея Малышко, Илью Френкеля, писателей Виктора Старикова и Александра Шарова.

Не знал я тогда, что правительственное решение отразится и на моей судьбе, В том же году из редакции газеты ВВС «Сталинский сокол» ушли на профессиональную творческую работу авторы Государственного гимна страны С.В. Михалков и Г.Г. Эль-Регистан, которые во время войны плодотворно выполняли обязанности специальных корреспондентов. На эти вакантные должности были назначены талантливый литератор Алексей Кондратович, Михаил Маковеев, работавший потом в «Красной звезде» и автор этих строк.

В редакцию газеты ВВС «Сталинский сокол» мы поступили в интересную пору, когда на смену поршневого авиации пришли первые реактивные истребители, провозвестники нынешних сверхзвуковых всепогодных самолетов. Мне довелось тогда часто бывать в учебном центре, возглавляемом полковником Акуленко, где зачинатели эры самолетов реактивных осваивали новую авиатехнику. О летчике-новаторе Николае Храмове и его ведомых Эфремове и Соловьеве, которые первыми в мире

совершили групповой высший пилотаж на реактивных самолетах, я не только писал в родной газете, но подготовил брошюру, переизданную на польском языке.

Мастерством высшего пилотажа радовали всех и пятерка, возглавляемая дважды Героем, генералом Е.Я.Савицким, и девятка реактивных самолетов, ведомая героем штурма Берлина Н.Шульженко и другими летчиками-новаторами.

Журналистам той далекой поры немало трудностей доставляла цензура. Порою дело доходило до абсурда. В многотиражках авиационных соединений нельзя было например, упоминать про самолеты. Это, якобы, разглашает наличие авиачасти.

В итоге в одной такой многотиражке появилась смехотворная фраза: «А из бурьяна печально торчал хвост материальной части.»

Но мы не унывали, преодолевали трудности, порою, оспаривая в главной военной цензуре несправедливые решения местных перестраховщиков, и пробивали в печать важные и полезные газетные статьи и корреспонденцию.

В 1952 году мне поручили подготовить текст для диктора Всесоюзного радио Ю.Б.Левитана и сценарий авиапраздника на Тушинском аэродроме, посвященного Дню воздушного флота. Работа оказалась трудной и кропотливой. Последовали утомительно долгие обсуждения сценария с участием генералов и маршалов авиации, военного коменданта столицы и других должностных лиц. Дикторский текст дополнялся трансляцией маршей, вальсов и иных музыкальных номеров, которые должны были сопровождать высший пилотаж. Участники подобных совещаний норовили внести в текст нечто свое, оставив, как говорится, собственный след, но это, как правило, не улучшало текст.

Перед Днем Воздушного Флота мой сценарий поступил к Сталину. Как потом говорили участники упомянутой акции, вождь полистал рукопись, пробежал глазами отдельные страницы и сказал:

– Этот (то есть я) хоть не трещит, как сорока, дает возможность зрителям понаблюдать за бесшумным полетом планеров, послушать музыку, – В итоге Сталин якобы раздраженно

добавил: – И скажите этому автору, что товарищ Сталин нэ любит восхвалений и нэ нуждается в том! Пусть он возвышенно и доходчиво скажет о партии, о Родине. И все! А концовку надо переделать!

Я был вызван в ГлавПУР Вооруженных Сил. Заместитель начальника генерал С.С.Шатилов с артистическим своеобразием и точностью передал указания Сталина. Возвращая мне рукопись без каких-либо поमारок, он объявил:

– Завтра в десять ноль-ноль утра исправленная вами рукопись должна быть у меня на столе. Праздник на носу и документ мы срочно отправим в ЦК партии.

Я по простоте душевной предложил Сергею Савельевичу тут же, без каких-либо промедлений, на его же столе зачеркнуть фразы о Сталине. Генерал возмущенно вскочил и вскричал, что походя, на скорую руку такие вещи не делаются.

– Не я, а вы – автор сценария, не мне, а вам, творческому работнику и автору произведения, товарищ Сталин адресовал свои мудрые указания. Извольте всю ночь просидеть, взвешенно и разумно переделать концовку. И лично сами, не доверяя никаким машбюро, перепечатайте завершающую страничку. Конечно, распишитесь, поставьте дату, укажите адрес, телефон и утром доставьте мне.

Я точно выполнил приказание. Получив исправленную рукопись, Сергей Савельевич озабоченно читал и перечитывал последний лист сценария, хмурился, мельком поглядывая на меня. С глубоким вздохом он положил рукопись на свой стол, выдав мне и жене пригласительный билет-пропуск на праздник в гостевую ложу. Это была огороженная канатами лужайка возле правительственной трибуны, на которой при нас появились Сталин, Молотов и другие руководители и военачальники. Праздник удался на славу. Впечатляющими были воздушный парад, пролет знаменосцев, показ новой реактивной техники, одиночный и групповой высший пилотаж.

Я внимательно следил не только за головокружительным каскадом фигур высшего пилотажа, но и за комментарием Юрия Левитана. Все происходило так, как предусматривалось сценарием праздника. Изменений в тексте не замечал. Но вот настали финальные минуты праздника. Обладавший редким по

красоте, тембру я выразительности голосом Юрий Левитан с нарастающим вдохновением произносит здравицы в честь нашей великой Родины и партии. А затем с еще большим вдохновением он произносит неведомую мне доселе красочно кудрявую и витиеватую здравицу в честь гениального вождя и полководца всех времен и народов, создателя лучшего в мире воздушного флота, мудрого и заботливого отца гордых соколов нашей страны великого Сталина.

Я не только опешил, но и встревожился за свою дальнейшую судьбу. Не выполнено строгое указание вождя. Правда, вставку о Сталине сделали в ЦК. Как потом докажешь?

Я поглядел на стоявшего на трибуне Сталина. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Не знаю, что он испытывал в эти минуты, но внешне спокойно и привычно он слушал дифирамбы в свой адрес. До сих пор не пойму, ради чего затевалась катавасия, связанная с борьбой вождя против его излишних восхвалений.

5 марта 1953 года, как известно, скончался Сталин. Отчасти из-за названия газеты, вскоре расформировали и «Сталинский сокол». Мне пришлось возвращаться в свой родной «Красный воин». Здесь я начинал военкоровскую деятельность в далеком 1937 году, а в 1939 с выездной редакцией «Красного воина» отправился на советско-финляндскую войну и затем работал в редакции газеты столичного военного округа до 22 июня 1941 года, отправившись с дежурства на Южный и Сталинградский фронты. Перенеся тяжелое ранение на Волге, вернулся из госпиталя снова в «Красный воин» и в разгар Курской битвы выехал на Воронежский и 1-й Украинской фронты.

В родной редакции «Красного воина» я потрудился несколько лет. Боевые ранения дали себя знать – в январе 1959 года пришлось уволиться в отставку с правом ношения военной формы одежды.

Но журналисты, как известно, в отставку не уходят. Пока рука держит перо и микрофон, пока мы способны запечатлеть фотоаппаратом или телекамерой легендарную поступь истории, деятели СМИ по велению своих беспокойных душ остаются в творческом строю и добровольно трудятся до последнего вздоха!..

Известный всем Сергей Владимирович Михалков, с которым мне выпала честь в роковом июне 1941 года выехать на Южный фронт в товарном вагоне, рассчитанном на 40 человек или 8 лошадей, образно и точно сказал о нашем творческом долге:

Друзья мои! Перо у нас
Приравнено к штыку.
Не время нам идти в запас –
Мы числимся в полку!

Нашу печать, телерадиовещание и другие СМИ именуют главной трибуной России, а журналистов называют летописцами героической истории многонациональной Родины. Я считал долгом своим помочь некоторым видным военачальникам подготовить к печати их воспоминания о Великой Отечественной войне. В частности, мне довелось работать над рукописью маршала авиации Н.С.Скрипко, делать литературную запись военных мемуаров бывшего члена Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковника К.В.Крайнюкова и других авторов. Их мемуары, содержащие ряд неизвестных доселе правдивых фактов, внесли свой вклад в историю. Часто печатался в «Красном воине», писал очерки. В шестидесятых годах прошлого столетия по моим сценариям на Шаболовке были подготовлены и продемонстрированы на телеэкранах три документальных фильма о боевых традициях.

Ободренный успехом на телестудии, я рискнул написать сценарий для художественного фильма о нашем брате-газетчике. Был опубликован довольно интересный эпизод из того сценария. Но дальше дело не пошло. С тех пор минуло много лет. Жизнь внесла свои коррективы. И сценарий требуется писать заново. А журналисты, конечно, заслуживают доброго слова о них. Известно, что наша профессия героическая и опасная. Немало репортеров, достойно выполнивших свой служебный долг, погибло не только на поле брани, но и в наши мирные дни.

Несмотря на трудности и опасности работник СМИ всегда добьется справедливости, ничто: ни давление, оказываемое отдельными чиновниками, ни попытки подкупа, ни угрозы

преступников не смогут поколебать решимости журналиста вести непримиримую борьбу с «паразитами» в жизни людей, страны – волокитой, бюрократией, хищениями и взяточничеством, нарушителями закона и порядка, с терроризмом.

Нам, журналистам, вручено могучее оружие – слово, способное творить чудеса. Видный философ и публицист прошлого справедливо говорил:

«Сила слова беспредельна. Удачного слова часто достаточно было, чтобы остановить обратившееся в бегство войско, превратить поражение в победу и спасти страну».

Великая Отечественная война, как известно, состояла не из одних лишь побед. Призывное слово укрепляло стойкость людей, растило героев, подымало в атаку, ковало победу. В наши дни работники средств массовой информации успешно продолжают благородное дело, каждодневно оповещая народы о событиях, происходящих на планете и в родной стране.

Радостно сознавать, что у нас, ветеранов печати и СМИ, достойная смена, героически проявившая себя в Афганистане, Чечне и других горячих точках планеты. Меня до глубины души трогали юные девчата, которые вели телерепортажи из огненного пекла Иракской бойни. Я с гордостью читал в газетах великолепные отзывы американских властей о самоотверженных подвигах и благородных поступках российских журналистов, которые 11 сентября 2001 года в момент трагедии, происшедшей в Нью-Йорке, рискуя собой, спасали попавших в беду американцев и выполняли одновременно свои сложнейшие служебные обязанности. Журналистское братство России, как всегда, было на высоте!

А работа в средствах массовой информации, конечно, рискованная. Но, право-слово, притягательная. И променять журналистскую жизнь на болотно-тихую и безмятежную вряд ли кто захочет – нам покой лишь только снится...

Александр Павлович Верхолетов прожил достаточно долгую жизнь, лишь немного не хватило до девяностолетия. Со своей женой, Марией Михайловной, он познакомился в трудный период войны – в 1942 году, когда она была совсем юной

девочкой с длинной косой и кудряшками. Девочкой, которой в свои 16 лет пришлось уже хлебнуть много горя – незадолго до их встречи немцы расстреляли отца Маруси, как ее все звали. После окончания войны Александр Павлович приехал на Украину, чтобы сказать Марусе, что она именно та единственная, с кем хотелось бы ему связать свою жизнь навеки. Так и получилось – золотую свадьбу они отмечали и с детьми, и с внуками, многими родными и близкими людьми, кому в жизни Александр Павлович дал опору, защиту, твердую жизненную основу, пример мужества и гражданства.

Послесловие.

Для меня остается загадкой, которую я, наверное, уже не смогу никогда разгадать – как сложилась бы жизнь папы, если бы события в стране, повороты судьбы в начале его пути были другими. Если бы его отца не репрессировали, если бы не война и если бы не было многих других событий, которые резко вторглись в жизнь. Возможно, он стал бы не военным журналистом, а пятнадцатым поколением в роду священнослужителей. Но мне кажется, что на любом поприще он служил бы людям, служил своему Отечеству, созданию мира и добра. Последними словами, завершающими его нелегкую судьбу, были: «Теперь все, можно уходить». Мне кажется, что самое отрадное в жизни – это понять, что на своем пути ты сделал все, что мог в тех обстоятельствах, которые послал тебе Бог.

После ухода папы в доме остались тепло и тот душевный свет, который он нес всю свою жизнь. Этот свет озарял многим людям, встретившимся с ним, ту часть пути, которую они шли вместе, а кто-то, в свою очередь, озарял путь ему.

Мне кажется, что очень ценно, когда в жизни есть люди, подобные маячкам в темной ночи, и когда кажется, что трудно найти дорогу, что сбился с пути, такие люди дают свет и душевные силы, помогают встать на твердую почву,

обрести себя в этой жизни. Иногда человеку нужно совсем немного – доброе слово, теплый взгляд, протянутая рука – чтобы найти опору в жизни.

Поддержка и участие очень важны для человека. Единство людей, добро, взаимопонимание – это то, что сделает нашу планету чище и светлей, а наш дом теплее и уютнее. Большое спасибо всем, кто посвятил себя этому прекрасному делу – помощи людям, укреплению мира.

Низкий поклон и вечная память тем, кто внес свой неоценимый вклад в Великую Победу и торжество мира на земле!

ФОТОАЛЬБОМ

В альбоме использованы фотографии из домашнего архива семьи Верхолетовых и рабочего архива Александра Павловича. В альбом включены снимки военных фотографов Великой Отечественной войны, боевых соратников Александра Павловича.

Часть 1.
ДЕТСТВО.
СЕМЬЯ.

*Родители Александра Павловича:
Елизавета Васильевна и Павел Алексеевич
Верхолетовы.*

*Верхолетов Александр Павлович с матерью,
Елизаветой Васильевной.*

*Павел Александрович Юнгеров,
Почетный гражданин России.*

Святой Александр Чагринский
(Александр Стефанович Юнгер),
прадед Александра Павловича Верхолетова.

Часть 2.
СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА.
1939-1940
А.П. ВЕРХОЛЕТОВ

Часть 3.

***ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ –
ОТ ПЕРВЫХ МИНУТ ДО ПОБЕДЫ.***

«Номер только из тиража...»

Маленький питомец

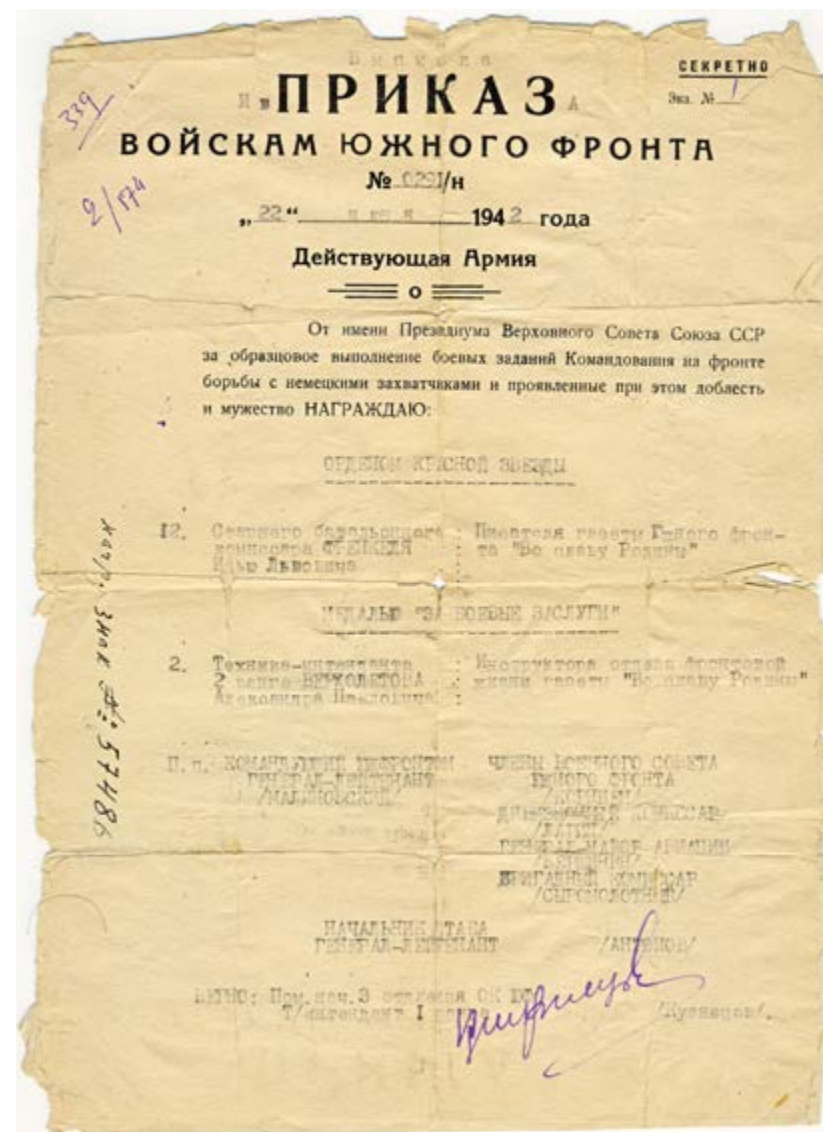
1942 год. Александр Павлович Верхолетов

Юмор выручает всегда

Перед ответственным заданием

Приказ о награждении

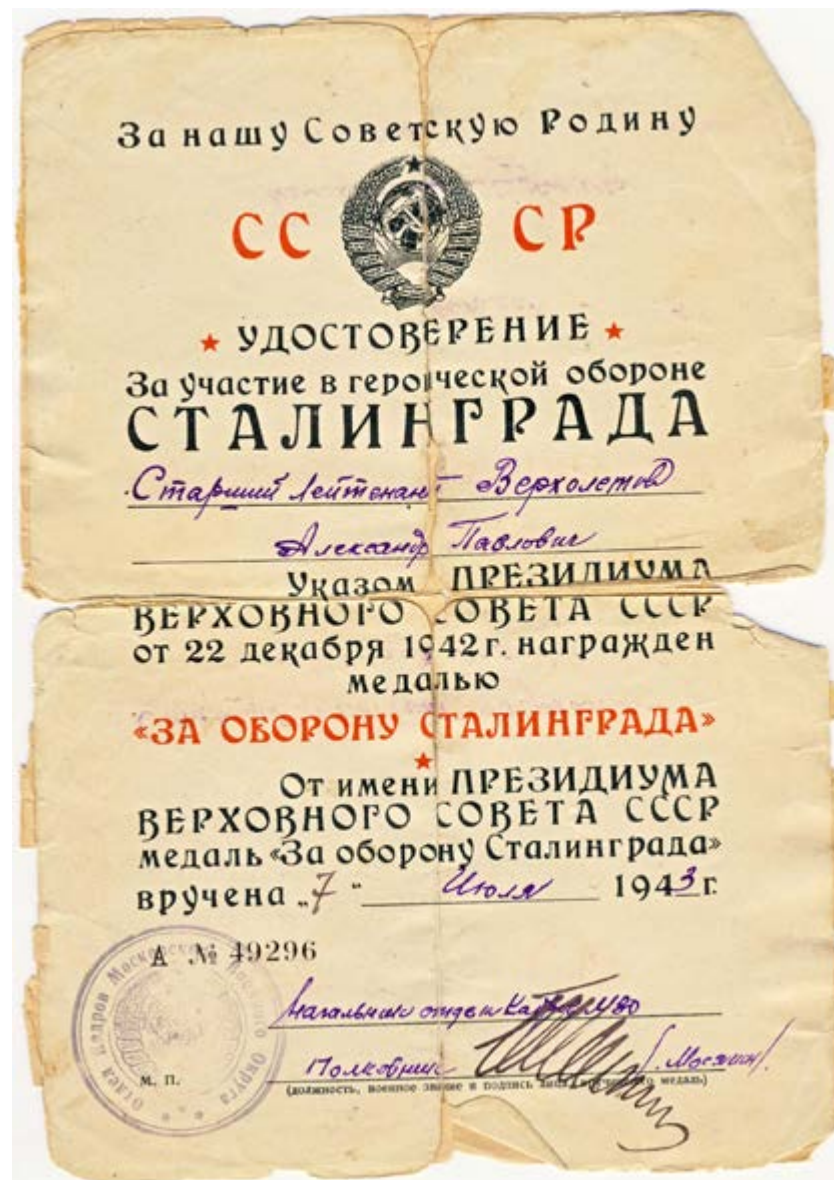
На пути в Одессу

Удостоверение о награждении медалью
«За оборону Одессы»

В Сталинграде. Волга.
Верхолетов Александр Павлович.

Удостоверение о награждении медалью
«За оборону Сталинграда»

Верхолетов А.П. на одном из фронтовых аэродромов (1945 год)

Корреспонденты газеты 1-го Украинского фронта «За честь Родины» и фотокорреспондент газеты «Крылья России» на одном из фронтовых аэродромов (1945 год, март).

Серия № 00175 Форма № 79

АТТЕСТАТ № 00175/163

№ _____ (наименование части, выданной аттестат)

на имущество вещей (над имуществом)

состоящее на пополнении (полное, частичное, для Депрелетов)

Александр (фамилия, имя и отчество)

убывающем согласно приказу по части № _____ от _____ 19__ г.

ОСНОВАНИЕ: Арматурная карточка № 1183/15/403

№ по пор.	Наименование предметов	Единица учета	Количество пропавшо	Время выдачи (год, месяц)	Отметки
1	Пиджак (х/бум. или суконный)	шт	09 шт	7.195	боевыми
2	Фуретка суконная повседневная	"	01 шт	6.195	боевыми
3	Фуретка суконная парадная	"	01 шт	10.195	боевыми
4	Шинель повседневная с погонами	"	01 шт	1.195	в плену
5	Куртка ватная двубортная	"	-	-	-
6	Шинель парадная с погонами	шт	01 шт	3.195	боевыми
7	Плащ-пальто шерст. или прорезинен. с погонами (за плату)	"	-	-	-
8	Гимнастерка х/бум. с погонами	"	-	-	-
9	Гимнастерка суконная с погонами	шт	01 шт	4.195	боевыми
10	Китель суконный с погонами	"	01 шт	11.195	боевыми
11	Тужурка шерст. повседневная с погонами	"	-	-	-
12	Мунир суконный парадн. с погонами	шт	01 шт	10.195	боевыми
13	Тужурка шерст. парадная с погонами	"	-	-	-
14	Шаровары х/б. бушмамы	шт	01 шт	4.195	боевыми
15	Шаровары бриджи суконные повседневные	"	01 шт	11.195	боевыми
16	Шаровары бриджи сукон. парадные	"	01 шт	10.195	боевыми
17	Брюки на выпуск шерст. повседневные	"	-	-	-
18	Брюки на выпуск шерст. парадные	"	-	-	-
19	Сапоги (кашемир, вельвет, клепаши)	шт	01 шт	6.195	боевыми
20	Головки хромовые	"	-	-	-
21	Ботинки (хромовые, лаковые)	шт	01 шт	6.195	боевыми
22	Обмотка	"	-	-	-

Смирнов

Документ Великой Отечественной. Аттестат

Верхолетов А.П. (справа) с боевыми товарищами

*Август 1942. Переезд под Сталинград
(Верхолетов А.П. – справа),
фото А.В.Егорова.*

*Сталинградская битва. Александр Верхолетов.
Фото А.В. Егорова.*

*Саперы Н.Д.Кошт, С.Д.Топольник и С.И.Слепцов
готовят плот из подручных средств.
Фото В.Юдина*

Юмор в фронтовой печати

41.940 квадратные километры Советской территории

Слава героическим воинам 1-го Украинского фронта!

СМЕРТЬ НЕМЦАМ ВРАТАМИ

ЗА ЧЕСТЬ РОДИНЫ

КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ЛИСТЫ
№ 82 (727) Вторник, 4 апреля 1944 г.

ЧЕСТЬ ВОИНА КРАСНОЙ АРМИИ

Многие из нас помнят, как в далекие годы войны воевал герой нашей Родины капитан Александр Александрович Сидоров. Он воевал в составе 112-й стрелковой дивизии, а затем в 1-м Украинском фронте. За мужество и героизм в боях за освобождение Украины он был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени.

За свои подвиги капитан Сидоров был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. Он воевал в составе 112-й стрелковой дивизии, а затем в 1-м Украинском фронте. За мужество и героизм в боях за освобождение Украины он был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени.

Капитан Сидоров был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. Он воевал в составе 112-й стрелковой дивизии, а затем в 1-м Украинском фронте. За мужество и героизм в боях за освобождение Украины он был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени.

ДЕРЗНИЙ МАНЕВР

Войска 1-го Украинского фронта совершили дерзкий маневр, захватив в плен 100 немецких солдат и офицеров. Это произошло в результате смелых действий наших воинов, которые сумели прорваться через минные поля и окружить противника.

Наша слава, наша гордость!

107 немецких солдат и офицеров захвачены в плен в результате дерзкого маневра наших воинов. Это произошло в результате смелых действий наших воинов, которые сумели прорваться через минные поля и окружить противника.

За мужество, героизм, смелость и отвагу в боях за освобождение Украины капитан Сидоров награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени.

Потари немцев и трофеев войск 1-го Украинского фронта за период боев с 4 по 31 марта с. г.

Войска 1-го Украинского фронта захватили в плен 100 немецких солдат и офицеров. Это произошло в результате смелых действий наших воинов, которые сумели прорваться через минные поля и окружить противника.

В период боев с 4 по 31 марта войсками 1-го Украинского фронта захвачено в плен 100 немецких солдат и офицеров. Это произошло в результате смелых действий наших воинов, которые сумели прорваться через минные поля и окружить противника.

В период боев с 4 по 31 марта войсками 1-го Украинского фронта захвачено в плен 100 немецких солдат и офицеров. Это произошло в результате смелых действий наших воинов, которые сумели прорваться через минные поля и окружить противника.

В боевых порядках пехоты

Войска 1-го Украинского фронта совершили дерзкий маневр, захватив в плен 100 немецких солдат и офицеров. Это произошло в результате смелых действий наших воинов, которые сумели прорваться через минные поля и окружить противника.

В период боев с 4 по 31 марта войсками 1-го Украинского фронта захвачено в плен 100 немецких солдат и офицеров. Это произошло в результате смелых действий наших воинов, которые сумели прорваться через минные поля и окружить противника.

Газета «За честь Родины», 1944 год

ЕСЛИ СКАЗАНО—ВПЕРЕД, ТАК Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТАКОЕ УСТАЛОСТЬ. (А. Суворов)

Вперед, на врага!

Во Владимире-Волынском

В Владимире-Волынском... (А. Суворов)

Патристико-политическая работа ПЕРВАЯ ВЕСТЬ О ГЕРОЯХ

Передой по цепи

О героическом подвиге пулеметчика Фосенко

Ваша задача в этот момент... (А. Суворов)

Передой по цепи

О героическом подвиге лейтенанта Минуилова Анатолия Петровича

Ваша задача в этот момент... (А. Суворов)

Ваша задача в этот момент... (А. Суворов)

УДАР ШТУРМОВИКОВ

Ваша задача в этот момент... (А. Суворов)

Верхолетов А.П. (справа) с боевыми товарищами. 1945 год.

Последние дни войны.

*Там, где вчера гремели бои. Фото О.В.Игнатович.
(из материалов А.П.Верхолетова)*

В канун Львовско-Сандомирской операции в войсках занимались боевой учебой. Стрелковое подразделение поднимается в атаку. Фото О.В.Игнатович. (из материалов А.П.Верхолетова)

*1-й Украинский фронт. Г.Ратибор, 1-2 апреля 1945 года.
Переправа на западный берег Одера.
Фото А.В.Егорова. (из материалов А.П.Верхолетова).*

Переправа. Фото О.Игнатович

В перерыве между боями солдат пишет письмо на родину. Сандомирский плацдарм. 1944 год. Фото О.Игнатович

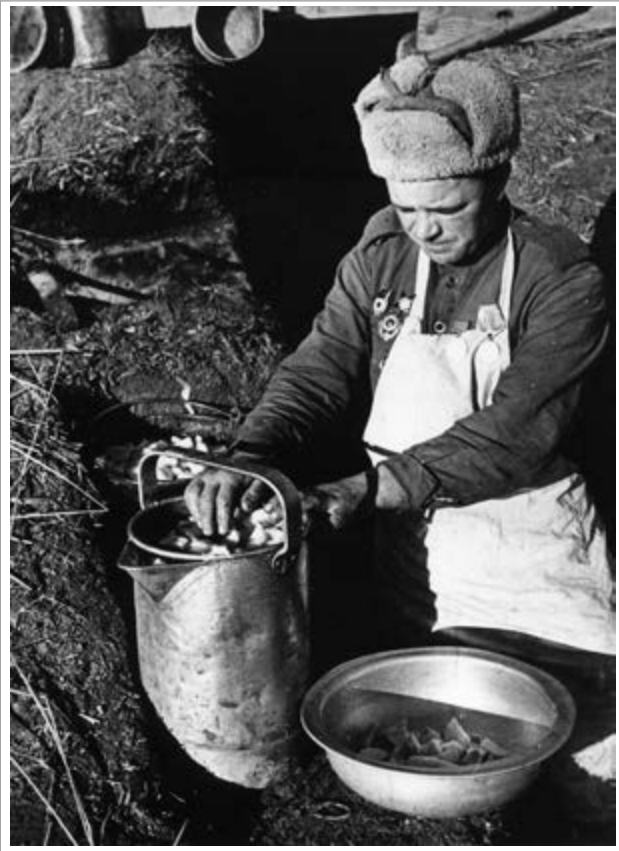
Вступление в г.Глогау. В освобожденном Глогау. Фото О.В.Игнатович. (из материалов А.П.Верхолетова).

76-летний крестьянин Родион Корда, награжденный медалью «За боевые заслуги» за помощь кавалеристам-разведчикам, действовавшим в тылу врага. Фото О.В.Игнатович (из материалов А.П.Верхолетова).

На переправе через реку Висла в районе Баранува. Фото Г.М.Омельчука

Батарейный повар гвардии рядовой Андрей Семенович Трехкалов. Награжден орденом Красной звезды и медалью за боевые заслуги. Фото О.В.Игнатович (из материалов А.П.Верхолетова).

Связной сержант Николай Андреев вручает разведчику Павлу Евдокимову долгожданное письмо из Ленинграда. Фото О.В.Игнатович (из материалов А.П.Верхолетова).

1-й Украинский фронт. Май 1945. Визит генерала О.Бредли маршалу И.С.Коневу. Маршал Конев дарит генералу Бредли коня. Фото Егорова

*Снайпер лейтенант Василий Курка в засаде.
Фото О.В.Игнатович (из материалов
А.П.Верхолетова).*

*Герой Советского Союза майор Якушев А.И. (в центре)
с офицерами батальона подводит итоги боев по
форсированию реки Висла. Фото О. Игнатович*

*Парторг капитан И.С.Однолько с бойцами и
командиром на улице только что освобожденного
города Горохова. Фото О.Игнатович*

Снайпер И.Кузьмин, фото В.П. Юдина (из материалов А.П.Верхолетова).

Сандомирский плацдарм. Бои в городе Баранув. Фото В.Юдина

На окраине Форста. Фото О.Игнатович

Освобождение узников из лагеря смерти. Фото О.В.Игнатович (из материалов А.П.Верхолетова).

В наступление

Сандомирский плацдарм. Артиллеристы выдвигаются на новый рубеж. Фото Г.М.Омельчука

Район города Кассель. Маршал И.С.Конев, генерал О.Бредли и генерал-майор Н.С.Солодовник (спиной) у оперативной карты в штабе генерала О.Бредли. Фото А.Егорова

Памятник бойцам Красной Армии, павшим при штурме Вены. Фото О.В.Игнатович. (из материалов А.П.Верхолетова).

На митинге в освобожденном Львове. Командующий войсками 1-го Украинского фронта маршал Советского Союза И.С.Конеv принимает хлеб-соль. 1944 год. Фото О.В.Игнатович.

Генерал Д.Д.Лелюшенко на открытии памятника советским героям освобождения Праги у танка 23, который первым ворвался в столицу братской Чехословакии. 1945 год. Фото О.В.Игнатович. (из материалов А.П.Верхолетова).

Памятник бойцам Красной Армии, павшим при штурме Вены. Фото О.В.Игнатович. (из материалов А.П.Верхолетова).

Часть 4.

**ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ.
ТРУДОВЫЕ БУДНИ ЖУРНАЛИСТА.
СЕМЬЯ.**

*А.П.Верхолетов у Большого театра в Москве.
1946 год*

*Вена, Дунай, 1946 год.
Верхолетов Александр Павлович*

Первый Новый год после войны

*Совет да любовь на всю жизнь. Верхолетов
Александр Павлович с женой Марией Михайловной
недавно поженились. 1947 год*

Верхолетов Александр Павлович. 1947 год

Верный друг

*Александр Павлович Верхолетов с сестрой
Валентиной Павловной*

*Чернигов, 1949 год.
Верхолетов Александр Павлович*

В.А. Ляпин, крестный И.А. Верхолетовой

Слева направо: Верхолетов Александр Павлович, Верхолетова Мария Михайловна (жена Александра Павловича), Вальчук Прасковья Калистратовна (мать Марии Михайловны), Сумина Валентина Павловна (сестра Александра Павловича), Верхолетова Елизавета Васильевна (мать Александра Павловича), дети: Верхолетов Юрий Александрович (сын Александра Павловича), Сумин Михаил Александрович (сын Валентины Павловны).

Заботливые бабушки: Елизавета Васильевна Верхолетова и Прасковья Калистратовна Вальчук

*В верховье Волги. 1954 год.
Верхолетов Александр Павлович*

*Верхолетов А.П. с сыном Юрием
(второй справа) в Гурзуфе*

С детьми Юрием и Ириной. Александр Павлович и Мария Михайловна Верхолетовы

Александр Павлович Верхолетов с внучкой Машенькой

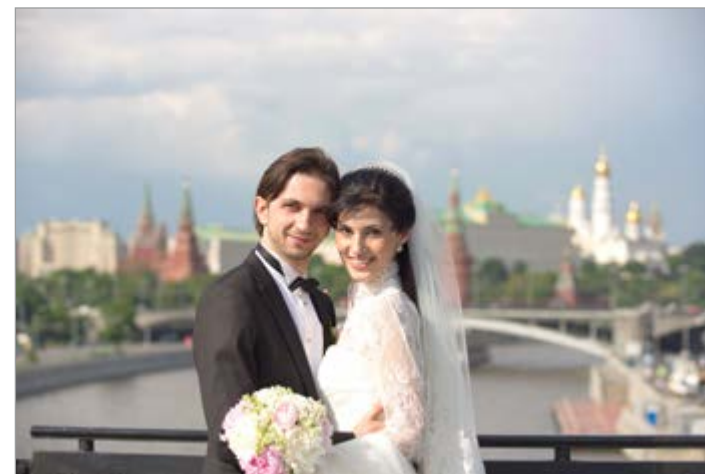
Закрытие газеты «Сталинский Сокол» в 1953 году

Правнучки Александра Павловича

*Дочь Александра Павловича Ирина с Юрием
Анисимовым. 2013 год*

*Внук Александра Павловича Владимир
Анисимов со своей женой Ольгой Полуэктовой
в день венчания. 2013 год*

*Внучка Александра Павловича Анна
Анисимова со своим мужем Дмитрием
Зарекиным. 2013 год*

Содержание

*Мария Михайловна и Александр Павлович
Верхолетовы. 1947 год*

*Золотую свадьбу встречали все вместе, с
детьми, внуками и правнуками.*

Происхождение. Детство и ранний переход во взрослую жизнь.	7
Начало журналистского пути. На Карельском перешейке.	21
Великая Отечественная – от первых минут до Победы.	28
Война закончилась. Трудовые будни журналиста	62
Фотоальбом	71

Александр Павлович Верхолетов

Это было недавно, это было давно...

Отпечатано в типографии «Группа «МФЦ»
105023, Москва, ул. Буженинова, д. 30
(495) 963-55-81

Бумага мелованая
Печать офсетная
Формат А5

заказ № 093